

ПРИЛОЖЕНИЕ

ΕΡΙΣΤΕΤΙ ΔΙΑΤΡΙΒΑΕ

БЕСЕДЫ ЭПИКТЕТА

*

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО

Г. А. ТАРОНЯНА

КНИГА ТРЕТЬЯ

(Продолжение)

XIII. ЧТО ТАКОЕ ОДИНОЧЕСТВО И КТО ТАКОЙ ОДИНОКИЙ

(1) Одиночество — это некое состояние лишенного помощи. Ведь если кто-то — один⁶¹, это не значит, что тем самым он и одинок, так же как если кто-то — в толпе, это не значит, что он не одинок. (2) Во всяком случае, когда мы потеряем или брата, или сына, или друга, в котором находили утешение, мы говорим, что остались одинокими, хотя часто бывает, что мы находимся в Риме, столько народу нам встречается и столько живущих вместе с нами, бывает, что у нас толпа рабов. (3) Ведь «одинокий» по своему понятию означает, что кто-то лишен помощи и предоставлен желающим причинять ему вред. Поэтому, находясь в пути, мы тогда в особенности называем себя одинокими, когда попадемся разбойникам. Ведь не просто при виде человека избавляются от одиночества, но при виде человека честного, совестливого, оказывающего помощь. (4) В самом деле, если достаточно быть одному, чтобы быть одиноким, говори, что и Зевс во время мирового воспламенения⁶² одинок и жалуется сам себе: «Несчастный я! Нет у меня ни Геры, ни Афины, ни Аполлона, ни вообще брата или сына, или внука, или родственника». (5) Некоторые и говорят, что именно это он делает, когда остается один во время мирового воспламенения. Они ведь не представляют себе, как можно проводить жизнь одному, так как исходят и⁶³ из некоей природной особенности — из способности от природы к жизни в обществе, к взаимолюбию и к доставляющему удовольствие общению с людьми. (6) Но тем не менее следует какую-то и к этому иметь подготовку — мочь довольстваться самому себе, мочь общаться с самим собой. (7) Как Зевс общается с самим собой, находит покой в самом себе, размышляет о своем управлении, каково оно, занят мыслями, подобающими себе, так и мы должны мочь разговаривать с самим собой, не нуждаться для этого в других, не быть в затруднении относительно того, как проводить жизнь; (8) размышлять над божественным управлением, над своим отношением ко всему остальному; рассматривать, как мы раньше относились ко всему случающемуся с нами, как — теперь, что все еще оказывает на нас удручающее действие, как можно было бы исправить и это, как избавиться от этого; если что-то из всего этого требует со-

⁶¹ В этой главе словом «один» переводится *μόνος*, словом «одинокий» — *ερημός* (соответственно, «одиночество» — *ερημία*).

⁶² По учению стоиков — периодический переход всех элементов обратно в огонь, из которого они снова возникают и мир периодически возрождается. Во время этого перехода всех элементов в огонь, т. е. мирового воспламенения (*επιπρωσις*), остается только Зевс как мировой разум, который представляет собой творческий огонь.

⁶³ «и» предлагают устранить из текста.

вершенствования — совершенствоваться в соответствии с лежащим в основе этого принципом. (9) Вот вы видите, что повсюду царит мирный покой, которым обеспечивает нас, как нам кажется, цезарь, что нет больше ни войн, ни сражений, ни разгула разбойничьих шаек, ни пиратских, и можно во всякий час совершать путь по суше и по морю с востока до запада. (10) Так разве и от лихорадки может он обеспечить нас мирным покоем, разве и от кораблекрушения, разве и от пожара или от землетрясения, или от молнии? Ну а от любви? Не может. От сокрушения? Не может. От зависти? Не может. Ни от чего, одним словом, из всего этого. (11) А разум, разум философов, обещает и от всего этого обеспечить мирным покоем. И что он говорит? «Если вы будете мне внимать, люди, то, где бы вы ни были, что бы вы ни делали, вы не будете испытывать огорчения, не будете испытывать раздражения, не будете испытывать принуждения, не будете испытывать помех, а будете проводить жизнь неподверженными страстям и свободными от всего». (12) Если у кого-то есть этот мирный покой, провозглашенный не цезарем (да и откуда у него власть провозгласить его?), но богом провозглашенный посредством разума, разве он не довольствуется им, когда он один, рассматривая и размышляя: (13) «Теперь со мной никакого зла не может случиться, для меня не существует разбойника, для меня не существует землетрясения, все преисполнено мирного покоя, все преисполнено невозмутимости: всякая дорога, всякий город, всякий спутник, сосед, окружающий — безопасны. Другой, тот, чья то забота, обеспечивает пищей, другой обеспечивает одеждой, другой наделил чувствами, другой наделил общими понятиями. (14) А когда он не обеспечивает необходимым — это он подает сигнал к отступлению, он открыл дверь и говорит тебе: „Иди“. Куда? Ни во что страшное, а в то, из чего ты произошел, в близкое и родственное — в элементы. (15) Сколько было в тебе огня — вернется в огонь, сколько было земли — в землю, сколько брэнного жизненного духа ⁶⁴ — в брэнный жизненный дух, сколько водицы — в воду. Нет никакого Аида, ни Ахеронта, ни Кокита, ни Пирифлегетонта ⁶⁵, а все полно богов и божеств». (16) Кто может размышлять обо всем этом, видит солнце, луну, звезды, вкушает наслаждения, доставляемые землей и морем, тот столько же не одинокий, сколько и не лишенный помощи. (17) «Что же, если кто-нибудь явится, когда я один, и зарежет меня»? Глупец, не тебя, а твое брэнное тело. (18) Так какое же тут еще одиночество, какое затруднение? К чему нам, самим, становиться хуже детишек? Они-то, когда остаются одни — что делают? Набрав ракушек и песка, строят что-нибудь, потом разваливают и снова строят другое. И вот так они никогда не бывают в затруднении относительно того, как проводить жизнь. (19) Значит, я, если вы уедете, должен буду сесть и плакать, что я остался один и я одинок? Вот так у меня не будет ракушек, не будет песка? Но они от неразумия делают это, а мы от здравомыслия несчастны?

(20) Всякая значительная способность ⁶⁶ опасна для начинающего ⁶⁷. Значит, переносить все такое следует в соответствии со своей возможностью,

⁶⁴ Этот элемент — *πνεύματιον*, уменьшительное от *πνεῦμα*, а не воздух (*ἀήρ*); см. II, 1, 37 и особенно II, 23, 3. Здесь только огонь назван не в уничижительно-уменьшительной форме, потому что только этот элемент вечен, в отличие от невечности и преходящести остальных элементов (см. прим. 62).

⁶⁵ Реки в подземном царстве («река скорби», «река плача», «пылающая огнем» — т. е. муки и страдания). Аид — здесь в смысле подземное царство Аида, преисподняя.

⁶⁶ *δυναμις*. В таком значении обычно употребляется у Эпиктета это слово. Здесь неясно, в каком значении («сила?»), к тому же §§ 20—23 по содержанию относятся, скорее, к предыдущей главе, с которой по теме связаны и §§ 4—6 следующей главы, а §§ 1—3 следующей главы связаны с этой главой.

⁶⁷ Здесь предполагается пропуск (текст § 20, по-видимому, испорчен и предлагается много конъектур).

но в соответствии с природой. . . ⁶⁷, но не больному чахоткой. (21) Приучи себя в какое-то время вести жизнь так, как больной, для того чтобы в другое время ты смог вести жизнь так, как здоровый. Не ешь ничего, только одну воду пей. Воздержись в какое-то время совершенно от стремления, для того чтобы в другое время в твоём стремлении было и разумное основание. А если в нём есть разумное основание, то, когда ты имеешь в себе какое-то благо, твоё стремление будет правильным. (22) Но нет, мы сразу же хотим вести жизнь так, как мудрецы, и приносить пользу людям. Какую это пользу? Что ты делаешь? Да самому себе ты принес пользу? Но ты хочешь подействовать на них увещаниями? Да на самого тебя подействовали увещания? (23) Хочешь принести им пользу? Покажи им на самом себе, какими делает людей философия, и не занимайся болтовней. Тем, как ты ешь, приноси пользу едящим с тобой, тем, как ты пьешь, приноси пользу пьющим с тобой, своей непритязательностью, своей уступчивостью, своей терпимостью ко всем — вот чем приноси им пользу, и не извергай на них свою желчность.

XIV. ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

(1) Как хорошие ⁶⁸ участники трагедийного хора не могут петь одни, но могут петь вместе с многими, так некоторые не могут гулять одни. (2) Человек, если ты — кто-то, гуляй один, разговаривай с собой самим, не прячься в хоре. (3) Пусть насмеются над тобой когда-нибудь, пусть оглядят тебя, пусть встряхнут тебя, для того чтобы ты узнал, кто ты.

(4) Когда кто-нибудь только одну воду пьет или занимается чем-то, что вырабатывается упражнением, то он по всякому поводу говорит это всем: «Я только одну воду пью». (5) Да разве ты ради этого только одну воду пьешь, разве ради того, чтобы только одну воду пить? Человек, если для тебя целесообразно пить — пей, а если нет — ты смешно поступаешь. (6) А если это приносит тебе пользу, и ты пьешь, — молчи об этом перед теми, кому не по душе такие люди. Что же, именно им хочешь ты быть по душе?

(7) Из всего того, что делают, то-то делают — как имеющее главное значение, а то-то — в соответствии с обстоятельством, то-то — в соответствии с ведением хозяйства, то-то — в соответствии с общением, то-то — в соответствии с жизненной установкой.

(8) Нужно избавить людей от двух этих качеств: от самомнения и от неверия. Самомнение заключается в том, что люди думают, будто больше ни в чем не нуждаются, а неверие — в том, что люди считают, будто невозможно жить в спокойствии при всех этих окружающих обстоятельствах. (9) От самомнения избавляет изобличение, и это первое, что делает Сократ. ⁶⁹ А что это дело не невозможно, рассмотри и займись изысканием. (10) Само это изыскание нисколько тебе не повредит. Занятие философией, можно сказать, в том и состоит, чтобы изыскивать, как возможно пользоваться стремлением и избеганием без подвластности препятствиям.

⁶⁸ Принята конъектура: «плохие», против которой Олдфазер в своем издании Эпиктета (1959 г.) возражает, ссылаясь на «Политику» Аристотеля (3, 13, 21) и отмечая, что превосходный эффект хорового исполнения обеспечивается голосами, не пригодными для сольного исполнения.

⁶⁹ Здесь предполагают пропуск в тексте (где должно было быть сказано об избавлении от неверия в возможность жить в спокойствии, что и имеется в виду под «этим делом» в следующем предложении).

(11) «Я лучше тебя, потому что отец мой консульского звания». Другой говорит: «Я был народным трибуном, а ты — нет». (12) А если бы мы были лошадьми, ты говорил бы: «Мой отец был более быстроногим»? что «У меня много ячменя и сена» или «прекрасная сбруя»? Так если я на твои эти слова сказал бы: «Допустим это — так давай побежим»? (13) Ну, так вот, у человека нет ли ничего такого, как у лошади бег, такого, по чему можно узнать, кто хуже и кто лучше? Разве нет совести, честности, справедливости? (14) Вот в этом показывай себя лучшим, чтобы ты как человек был лучше. Если ты мне будешь говорить: «Я здорово поддаю ногой⁷⁰», скажу тебе и я тоже: «Ты здорово гордишься ослиным делом».

XV. О ТОМ, ЧТО ПРИСТУПАТЬ К КАЖДОМУ ДЕЛУ СЛЕДУЕТ ПО ТЩАТЕЛЬНОМУ РАССМОТРЕНИИ

(1) В каждом деле рассматривай предпосылки и следствия и вот тогда приступай к нему. Иначе, вначале ты возьмешься за него с увлечением, поскольку не обдумал ничего из всего последующего, а потом, когда кое-что прояснится, — постыдно отступишь. (2) «Я хочу одержать победу на Олимпийских играх». Но ты рассматривай предпосылки этого и следствия, и вот тогда, если для тебя будет целесообразно, принимайся за дело. (3) Ты должен подчиняться строгому порядку, соблюдать обязательную диету, воздерживаться от печений, упражняться обязательно, в установленное время, в жару, в холод, не пить холодной воды, не пить вина когда попало, одним словом, предоставить себя в распоряжение наставника, как в распоряжение врача; (4) затем, во время борьбы...⁷¹, может быть так, что вывихнешь руку, подвернешь ногу, наглотаться песку, будешь высечен⁷² и после всего этого, может быть, потершишь поражение. (5) Когда ты все это продумаешь, то, если все еще будешь хотеть, тогда приступай к занятию борьбой. А иначе, смотри, ты будешь вести себя, как дети, которые то играют в атлетов, то в гладиаторов, то трубят, потом изображают в сценах все что увидят и что приведет их в восхищение. (6) Так и ты то атлет, то гладиатор, потом философ, потом оратор, а всей душой — ничто, но, как обезьяна, всему, что увидишь, подражаешь, и вечно тебе одно за другим нравится, а привычное перестает нравиться. (7) Ведь ты без рассмотрения приступил к тому или иному, и не разобрав все дело целиком, и не проверив, но необдуманно и по пустому желанию. (8) Вот так некоторые, увидя философа и послушав кого-нибудь, так говорящего, как Эвфрат⁷³ (впрочем, кто так может сказать, как он?!), и сами хотят заниматься философией. (9) Человек, рассмотри сначала, в чем состоит дело, затем — и свою природу, что ты можешь выдержать. Если хочешь быть борцом — посмотри на свои плечи, бедра, поясницу. Ведь один по своей природе способен к чему-то одному, другой — к чему-то другому. (10) Думаешь, что, продолжая делать то же самое, ты можешь заниматься философией? Думаешь, что ты можешь вот так же есть, вот так же пить, так же раздражаться, так же быть недовольным? (11) Нужно бодрствовать по ночам, трудиться, подавлять некоторые желания, уехать от родных, терпеть презрение мальчишки⁷⁴, насмешки встречных, во всем терпеть

⁷⁰ Буквально «лягаю» — вероятно, название приема в борьбе.

⁷¹ *παρρησιασθησαι* — значение этого слова неизвестно (от глагола «копать», «рыть»). Может быть, это название приема в борьбе. См. Д и о г. Л., VI, 27: *περί μὲν τοῦ παρρησιασθῆναι καὶ λαχτικίζεσθαι* . . . (*λαχτικίζεσθαι* — «лягать», см. прим. 70). Существующие объяснения и переводы неудовлетворительны.

⁷² Вероятно, за нарушение правил борьбы.

⁷³ Философ-стоик, современник Эпиктета (см. также IV, 8, 17—20). — См. П л и н и й М л а д ш и й, Письма, I, 10.

⁷⁴ Может быть: «мальчишки-раба» (*παῖδαρίου*). Это слово у Эпиктета употребляется чаще в смысле «дети», «детушки».

умаление — в должности, в почести, в суде. (12) Когда ты все это тщательно рассмотришь, то, если тебе угодно, тогда приступай к этому, если ты хочешь получить взамен всего этого неподверженность страстям, свободу, невозмутимость. А иначе — не приближайся, не будь, как дети, — сейчас философ, затем сборщик налогов, потом оратор, потом прокуратор цезаря. (13) То и это не в ладу. Одним ты должен быть человеком — или добродетельным или порочным. Или в высшей духовной части ⁷⁵ своей ты должен добиваться совершенства или в том, что относится к внешнему миру, или над своим внутренним миром усердно трудиться или над тем, что вне тебя, то есть занимать позицию философа или обыкновенного человека.

(14) Руфу ⁷⁶ кто-то говорил, когда Гальба ⁷⁷ был убит: «Теперь мироздание управляется промыслом?». А он: «Разве я когда-нибудь, хоть между прочим, — сказал, — ссылался на Гальбу для обоснования того, что мироздание управляется промыслом?».

XVI. О ТОМ, ЧТО ВСТУПАТЬ В ОБЩЕНИЕ СЛЕДУЕТ С ОСТОРОЖНОСТЬЮ

(1) Вступающий в частое общение с какими-нибудь людьми или для разговора, или для пиров, или вообще для совместной жизни, неизбежно должен или сам уподобиться им, или их изменить на свой лад. (2) Ведь и если погасший уголек положить к горящему, то или он погасит тот, или тот воспламенит его. (3) Так вот, поскольку опасность так велика, вступать в такие общения с обыкновенными людьми следует с осторожностью, помня о том, что, соприкасаясь с покрытым сажей, невозможно и самому не запачкаться сажой. (4) В самом деле, что ты будешь делать, если он о гладиаторах будет говорить, если о лошадях, если об атлетах, если, что еще хуже, о людях: «Такой-то — порочный, такой-то — добродетельный. Это получилось правильно, это — неправильно», да еще если будет остерить, балагурить, чернить? (5) Есть ли у кого-нибудь из вас такая подготовка, как у искусно играющего на лире, которому стоит только, взяв лиру, коснуться ее струн, чтобы тотчас узнать разлаженные и настроить инструмент? Есть ли такая способность, какая была у Сократа, во всяком общении с людьми вести их на свой лад? (6) Откуда ей взяться у вас?! Нет, это обыкновенные люди неизбежно ведут вас за собой. (7) Почему же они сильнее вас? Потому, что все те пошлости, которые говорят они, идут у них от мнений, а все те прекрасные вещи, которые говорите вы, идут у вас от губ, поэтому вялы и мертвы, поэтому ваши увещевания и несчастная, затаканная вами добродетель способны вызвать отвращение у вашего слушателя. (8) Вот так вас обыкновенные люди одолевают. Во всем ведь имеет силу — мнение, неодолимо — мнение. (9) Поэтому до тех пор пока эти прекрасные мнения не укрепятся в вас и вы не приобретете определенную способность чувствовать себя в безопасности, советую вам с обыкновенными людьми сходиться с осторожностью. А иначе, изо дня в день, как воск на солнце, будет таять ваше все то, что вы в школе записываете ⁷⁸. (10) Так держитесь же где-нибудь подальше от солнца, пока мнения у вас восковые. (11) Поэтому даже с родины советуют уезжать философы, потому что старые нравы отвлекают и не дают возникнуть какому бы то ни было началу иного нравственного склада, и мы не выно-

⁷⁵ См. прим. 48 к I книге.

⁷⁶ См. прим. 7 к I книге. § 14 не связан с предыдущим текстом, как § 7 в восьмой главе и § 20—23 в тринадцатой.

⁷⁷ Принцес (убит в 69 г. н. э.).

⁷⁸ Сравнение вызвано тем, что такие записи делались на навощенных дощечках.

сим, когда встречные говорят: «Смотри-ка, такой-то философией занимается, такой-сякой». (12) Вот так и врачи предписывают хроническим больным уехать в другое место с другим климатом, и правильно делают. (13) И вы тоже смените свои нравы на иные. Укрепите свои мнения, закаляйтесь в них. (14) Но нет, отсюда ⁷⁹ — по зрелищам: на бой гладиаторов, в ксисст ⁸⁰, в цирк, потом оттуда — сюда, и опять отсюда — туда, и всё такие же. (15) И нрава прекрасного — никакого, ни внимания, ни обращения к самому себе и наблюдения: «Как я пользуюсь возникающими представлениями? В соответствии с природой или не в соответствии с природой? Как я отвечаю им? Как должно или как не должно? Заявляю ли я всему независящему от свободы воли, что оно не имеет никакого отношения ко мне?» (16) Ведь если пока еще вы не в таком состоянии — бегите прежних нравов, бегите обыкновенных людей, если хотите начать когда-нибудь быть кем-то.

XVII. О ПРОМЫСЛЕ

(1) Когда ты винишь промысл, внимательно подумай и узнаешь, что происшедшее имеет разумное основание. — (2) Да, но несправедливый имеет преимущество. — В чем? В серебре. Ведь в этом отношении он лучше тебя, потому что льстит, не стыдится, ночей не спит. Что удивительно-го? (3) Но ты смотри на то, в честности ли он имеет перед тобой преимущество, в совестливости ли. Ведь ты не найдешь этого. Но найдешь, что, где ты лучше, там преимущество имеешь ты. (4) Я как-то сказал тоже одному, недовольному тем, что Филосторг ⁸¹ преуспевает в благополучии: «Хотел бы сам ты спать с Сурой ⁸²?» «Да не настанет, — говорит, — тот день!» (5) Так что же ты недоволец, если он получает что-то за то, что продает? Или как ты можешь считать счастливым человека, который с помощью всего этого, что самому тебе претит, приобретает все то? Или какое зло творит промысл, если лучшим дает лучшее? Или быть совестливым не лучше, чем быть богатым? — Тот согласился. (6) — Так что же ты недоволец, человек, имея лучшее? Так вот, помните всегда и руководствуйтесь тем, что это закон природы: чтобы лучший имел преимущество перед худшим в том, в чем он лучше, — и вы никогда не будете недовольны. (7) «Но жена плохо обращается со мной». Ладно. Если кто-нибудь будет спрашивать тебя, что это значит, говори: «Жена плохо обращается со мной». «И больше ничего?» «Ничего». — (8) «Отец мне ничего не дает» ⁸³. А что это — зло, следует ли это добавлять от себя да еще возводить ложь? (9) Поэтому не бедность следует отвергать, а мнение о ней, и вот тогда мы будем жить в спокойствии.

XVIII. О ТОМ, ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ ПРИХОДИТЬ В СМЯТЕНИЕ ОТ ВЕСТЕЙ

(1) Когда тебя известят о чем-нибудь, вызывающем смятение, ты руководствуйся тем, что вести ни о чем зависящем от свободы воли не бывает. (2) В самом деле, разве может кто-нибудь сообщить тебе весть о том, что

⁷⁹ Т. е. из школы.

⁸⁰ Крытый портик при гимназиях для упражнений атлетов в зимнее время и в плохую погоду.

⁸¹ Лицо неизвестное.

⁸² Предполагают, что это Пальфурий Сура, исключенный из сената Веспасианом или Домицианом, казненный при Нерве. Он занимался стоической философией, был оратором и поэтом.

⁸³ Дальше считается пропуск в тексте, который дополняют: «Что это значит? «Отец мне ничего не дает». И еще другое дополнение к этому: «И больше ничего?» «Ничего». — Следующее предложение испорчено.

у тебя мнение неправильно или стремление неправильно? — Отнюдь. — Но могут сообщить весть, что умер кто-то. Так какое же это имеет отношение к тебе? Что кто-то плохо говорит о тебе. Так какое же это имеет отношение к тебе? (3) Что отец вот то-то затевает. Против кого? Разве против свободы воли? Откуда он это может? Но — против брэнного тела, против брэнного имущества. Ты спасен, это не против тебя. (4) Но судья объявляет, что ты виновен в нечестивости. А о Сократе не объявили этого судьи? Разве это твое дело, то, что он сделал объявление? — Нет. — (5) Так какая же еще тебе забота? Существует определенное отца твоего дело, и если он его не исполнит, то теряет в себе отца, любящего, кроткого. А иной никакой не ищи в нем утери из-за этого. Ведь никогда не бывает, что человек ошибается в одном, а терпит ущерб в ином. (6) В свою очередь, твое дело — это выступить в свою защиту стойко, совестливо, без раздражения. А иначе и ты теряешь в себе сына, совестливого, благородного. (7) Что же, судья вне опасности? Нет, и ему тоже одинаково грозит опасность. Так что же ты еще боишься, что он решит? Что тебе до чужого зла? (8) Твое зло — это неправильно выступить в свою защиту. Только этого остерегайся. А быть осужденным или не быть осужденным — это как дело другого, так и зло другого. (9) «Такой-то угрожает тебе». Мне? Нет. «Он бранит тебя». Он сам посмотрит, как он исполняет свое собственное дело. «Он намерен осудить тебя несправедливо». Несчастный!

ХІХ. КАКОВА ПОЗИЦІЯ ОБЫКНОВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА И ФИЛОСОФА

(1) Первое отличие обыкновенного человека и философа: тот говорит: «Увы мне! Виною тому сыночек. Виною тому брат. Увы мне! Виною тому отец», а философ, если когда-нибудь будет вынужден сказать: «Увы мне!», подумав, говорит: «Виною тому я сам». (2) Ведь свободе воли ничто не может помешать или повредить независимое от свободы воли, только — она сама себе. (3) Так вот, если к этому склонимся и мы тоже, так чтобы, когда у нас затруднения на пути, винить самих себя и помнить, что причиной смятения и неустойчивости не может быть ничто иное, кроме мнения, — клянусь вам всеми богами, что мы достигли успехов в совершенствовании. (4) А в действительности мы с самого начала идем по иному пути. Еще в самом нашем детстве нянька, если мы по нашему ротозейству споткнулись о камень, не нас шлепает, а камень бьет. Да что сделал камень? Из-за глупости твоего ребенка он должен был переместиться? (5) Или вот, если мы после бани не нашли что поесть, воспитатель не желание наше поесть сдерживает, а лупит повара. Человек, разве мы тебя поставили воспитателем повара? Нет — нашего ребенка: его исправляй, ему будь полезен. (6) Вот так, и повзрослев, мы — как будто дети. Дитя ведь: в музыке — несведущий в музыке, в грамоте — неграмотный, в жизни — необразованный.

ХХ. О ТОМ, ЧТО ОТ ВСЕГО ОТНОСЯЩЕГОСЯ К ВНЕШНЕМУ МИРУ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ПОЛЬЗУ

(1) В отношении теоретических представлений почти все благо и зло признали заключенным в нас, а не в том, что относится к внешнему миру. (2) Никто не называет благом высказывание, что стоит день, злом — высказывание, что стоит ночь, а величайшим из зол — высказывание, что три равно четырем. (3) Но что? Знание — благом, а заблуждение — злом,

так что и относительно самого ложного благом ⁸⁴ получается знание о том, что ложное есть ложное. (4) Значит, вот так должно бы быть и в отношении жизни. Здоровье — благо, а болезнь — зло? Нет, человек. Но что? Правильно быть здоровым ⁸⁵ — благо, неправильно — зло. — Так что и от болезни можно получить пользу? — Ради бога, да разве от смерти пельзы? Да разве от увечья нельзя? (5) Незначительную, по-твоему, Менекей ⁸⁶ получил пользу, когда он принимал смерть? — Пусть всякий, сказавший такое, получит от нее такую же пользу, какую получил он! — Позволь, человек, разве он не сохранил в себе любящего свое отечество, человека высокого образа мыслей, честного, благородного? (6) А оставшись жить, разве он не утратил бы все это? Разве не приобрел бы все противоположное? Не обрел бы разве в себе малодушного, неблагородного, ненавидящего свое отечество, цепляющегося за свою жизнь? Ну как, по-твоему, незначительную он получил пользу, приняв смерть? (7) Нет! А отец Адмета ⁸⁷ значительную получил пользу, прожив так неблагородно и жалко? Да разве потом он не умер? (8) Перестаньте, ради богов, дорожить материальностями, перестаньте делать себя рабами, прежде всего, вещей, а затем из-за них — и людей, которые могут предоставлять или отнимать их. — (9) Так можно ли от них получить пользу? — От всех. — И от хулящего? — А какую пользу приносит атлету противник в упражнениях? Огромнейшую. Вот и этот становится моим противником в упражнениях: он упражняет мою терпимость, нераздражительность, мягкость. (10) Но нет, хватающий меня за шею и выправляющий мне поясницу и плечи — приносит мне пользу, и учитель гимнастики правильно делает, говоря: «Подними...⁸⁸», и чем тяжелее тот, тем больше пользы получаю я. А если кто-то упражняет меня в нераздражительности — разве он не приносит мне пользу? (11) Вот это и есть не уметь получать пользу от людей. Сосед плохой? Самому себе. А мне он хороший: он упражняет мою доброжелательность, кротость. Отец плохой? Самому себе. А мне он хороший. (12) Вот это и есть волшебная палочка Гермеса: «Чего хочешь, — говорит, — коснись — и станет золотым» — нет, но: что хочешь подавай — и я сделаю это благом. Подавай болезнь, подавай смерть, подавай нужду, подавай хулу, суд, грозный высшим наказанием, — все это с помощью волшебной палочки Гермеса станет полезным. — (13) Со смертью что ты сделаешь? — Да что иное как не то, чтобы она послужила тебе украшением или чтобы она послужила тебе средством на деле показать, что такое человек, следующий воле природы? — (14) С болезнью что ты сделаешь? — Покажу ее природу, блестяще проявлю себя в ней, буду стоек, буду спокоен, не буду льстить врачу, не буду молить о том, чтобы мне умереть ⁸⁹. (15) Чего еще иного ищешь ты? Все, что ты дашь, — я сделаю это блаженным, счастливым, великолепным, завидным. (16) Но нет: «Смотри, не заболей: это — зло». Это как если бы кто-нибудь говорил: «Смотри, не получи когда-нибудь представления, что три равно четырем: это — зло». Человек, каким образом зло? Если я должное приму об этом мнение — каким образом еще это причинит мне вред? А не принесет ли, скорее, даже

⁸⁴ ἀχθόν — конъектура. В рукописях — ἀπάτην (заблуждение). Но если допустить пропуск в тексте, смысл предложения можно понимать так: заблуждение относительно ложного есть зло, а знание о ложном, что оно ложно, — есть благо.

⁸⁵ Предлагается дополнение «или больным».

⁸⁶ Сын Креонта. Он принес себя в жертву Аресу, что было по предсказанию услугом победы Фив во время осады их Полиником.

⁸⁷ Ферет, отказавшийся умереть вместо своего сына. См. Э в р и д, Алкестида.

⁸⁸ В рукописях: ὕπερ ἀμφότερας — неясно, вероятно, название приема в борьбе. В изданиях принята конъектура: ὕπερον ἀμφότερας, т. е. «Подними дубинку обеими руками».

⁸⁹ На полях одной рукописи: «не умереть».

пользу? (17) Так если я о бедности приму должное мнение, если о болезни, если о незанимании должностей, разве мне этого недостаточно? Разве все это не станет полезным? Так каким же образом еще должен я искать благо и зло в том, что относится к внешнему миру? (18) И что же? Все это — только здесь ⁹⁰, а домой никто с собой не уносит. Нет, там сразу же война с мальчишкой ⁹¹, с соседями, с остряками, с насмешниками. (19) Пусть Лесбию ⁹² будет хорошо за то, что он каждый день обличает меня в том, что я ничего не знаю.

XXI. ПРОТИВ ТЕХ, КТО С ЛЕГКОСТЬЮ ПРИСТУПАЕТ К ПРЕПОДАВАНИЮ ФИЛОСОФИИ

(1) Те, кто вобрал в себя голые теоретические правила, тотчас же хотят изрыгнуть их, как страдающие желудком — пищу. (2) Прежде всего перевари их, затем не изрыгай вот так ⁹³. А иначе, дело чистое в действительности получается рвотным средством и несъедобным. (3) Но ты покажи нам какое-то изменение в своей высшей духовной части ⁹⁴, происшедшее в результате усвоения их, как атлеты показывают свои плечи, окрепшие в результате упражнений и еды, как овладевшие искусствами показывают результаты того, чему они научились. (4) Строитель не приходит и говорит: «Послушайте мои рассуждения о строительстве», но, нанявшись на постройку дома и построив его, показывает, что владеет этим искусством. (5) Что-нибудь такое и ты сделай: поешь, как человек, выпей, как человек, сделай себя украшением, женись, роди детей, прими участие в государственных делах; выдержи поношение, стерпи брата недоброжелательного, стерпи отца, стерпи сына, соседа, спутника. (6) Вот это ты нам покажи, чтобы мы увидели, что ты научился поистине чему-то философскому. Но нет: «Придите послушайте мои чтения толкований». Иди, ищи, на кого тебе извергнуть их. (7) «Да я же вам истолкую сочинения Хрисиппа, как никто, разберу стиль чистейшим образом, присовокуплю пожалуй, и все обилие Антипатра ⁹⁵ и Архедема ⁹⁶». (8) Неужели ради того молодые люди должны оставить свою родину и своих родителей, чтобы придти послушать твои истолкования выраженьиц? (9) Разве не должны они вернуться к себе терпимыми, готовыми к содействию, неподверженными страстям, невозмутимыми, имея некое такое средство для жизни, с помощью которого смогут правильно переносить все, что случается, и что будет служить к украшению их? (10) И откуда можешь ты передавать то, чего у тебя нет? Сам ты разве с самого начала делал иное что-то, кроме того, что все время проводил над тем, как могут быть сведены к схемам силлогизмы, как — изменяющиеся рассуждения, как — рассуждения, приводящие к умозаключению путем вопросов? (11) «Но такой-то имеет школу. Почему бы и мне не иметь?». Это делается не необдуманно, рабское ты существо, и не как попало, но для этого нужно, чтобы был и определенный возраст, и определенный образ жизни, и предводителем — бог. (12) Но нет, собравшись к отплытию, никто не выходит в море, не совершив жертвоприношения богам и не призвав их в помощь, и люди не сеют иначе, не обратившись с призывом к милости Деметры. А за такое дело принявшийся без помощи богов — с надеж-

⁹⁰ Т. е. в школе.

⁹¹ См. прим. 74.

⁹² Лицо неизвестное.

⁹³ По исправлению: «Сначала перевари их, тогда не станешь вот так изрыгать».

⁹⁴ См. прим. 48 к I книге.

⁹⁵ См. II, 17, 40 (и прим. 86).

⁹⁶ См. прим. 24 к II книге.

ностью ли примется, и приходящие к нему — с преуспеванием ли в счастье будут приходить? (13) Что иное делаешь ты, человек, как не пародируешь мистерии и говоришь: «Храм есть и в Элевсине — вот и здесь. Там верховный жрец — и я буду верховным жрецом. Там глашатай — и я поставлю глашатая. Там факелоносец⁹⁷ — и я поставлю факелоносца. Там факелы — и здесь. Слова — те же самые. Какая разница между происходящим здесь и происходящим там?» (14) Нечестивейший человек, разве нет никакой разницы? Разве и не в своем месте и не в свое время это приносит пользу? Приступать к этому человек должен с жертвоприношениями, с молитвами, предварительно совершив обряд очищения и проникнувшись мыслью о том, что он приступает к священным обрядам, причем священным обрядам древним. (15) Вот так мистерии становятся полезными, вот так приходим мы к представлению, что все это установлено древними с целью воспитания и исправления образа жизни. (16) А ты разглашаешь их и пародируешь, не в свое время, не в своем месте, без жертвоприношений, без обряда очищения⁹⁸; нет у тебя одежды, какая должна быть у верховного жреца, ни волос, ни головной повязки, ни голоса, ни возраста, ты не совершил обряда очищения, как он⁹⁹, но только сами слова перенял. Разве эти слова священны сами по себе? (17) К этому следует приступить иным образом. Дело это — великое, мистерийное, дозволенное не как попало и не кому попало. (18) Но и быть мудрым, может быть, недостаточно для того, чтобы заняться заботой о молодых людях. Должна быть какая-то готовность и пригодность для этого, клянусь Зевсом, и определенное тело должно быть, и прежде всего нужно, чтобы бог советовал занять это место, (19) как он советовал Сократу иметь место подвергающего испытанию, как Диогену¹⁰⁰ — обладающего царской властью¹⁰⁰ и порицающего, как Зенону¹⁰¹ — обучающего и исповедующего учение. (20) А ты открываешь лечебницу, не имея ничего другого, кроме лекарств, — а где или как они применяются, и не зная, и не полжбобытствовав. (21) «Вот у него глазные мази — и у меня тоже». Так разве — и умение пользоваться ими? Разве знаешь ты, когда, как и кому принесут они пользу? (22) Так что же ты играешь в кости на самое важное? Что ты поступаешь легкомысленно? Что ты берешься за дело, совершенно для тебя не подходящее. Оставь его тем, кто умеет справляться с ним. Не навлекай и сам ты тоже позор на философию самим собой и не будь одним из клеветующих на это дело. (23) Но если тебя увлекают теоретические правила, то сиди и обдумывай их сам с собой, а философом никогда не называй себя и не признавай, когда другой называет, но говори: «Он заблуждается. Я ведь и в своих стремлениях не иной, чем прежде, и в своих влечениях, и в своих согласиях, и вообще я нисколько не изменился по сравнению с прежним моим состоянием». (24) Вот что думай и говори о себе, если хочешь думать соответственное. А иначе — играй в кости и делай то, что делаешь: это ведь тебе пристало.

⁹⁷ Верховный жрец (иерофант), факелоносец, глашатай — главные священнослужители элевсинских мистерий.

⁹⁸ «Обряда очищения» — чтение в Uptonis codex. В рукописях: «здоровья» (не принятое в изданиях; но это чтение не невозможно — жрец должен был быть без всяких телесных недостатков).

⁹⁹ Верховным жрецом элевсинских мистерий избирали из рода Эвмоллидов обычно пожилого и обладавшего звучным голосом. Вступая в должность, он менял свое прежнее имя на новое, священное, которое оставалось в тайне для непосвященных в мистерии, поэтому в документах его называют просто иерофантом. Он носил особую пурпурную одежду и повязку на длинных волосах и, вступив в должность, должен был соблюдать строгое целомудрие.

¹⁰⁰ См., например, XXII, 49, 72, 75.

¹⁰¹ См. прим. 25 к I книге.

XXII. О КИНИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

(1) А как-то один из его слушателей, у которого, по-видимому, была склонность к киническому образу жизни, спросил: Каким именно должен быть ведущий кинический образ жизни и в чем состоит общее понятие об этом деле? — (2) Мы рассмотрим это, — сказал он, — на досуге. А пока лишь то могу тебе сказать, что принимающийся за такое великое дело без бога навлекает на себя его гнев и хочет только позориться перед всем народом. (3) Не говорит ведь никто сам себе, явившись в дом с хорошо ведущимся хозяйством: «Я должен быть управляющим хозяйством». Иначе господин, вернувшись и увидя, как он нагло распоряжается, разделается с ним. (4) Вот так происходит и в этом великом полисе. Есть ведь и здесь некий домохозяин, распоряжающийся всем. (5) «Ты — солнце: ты можешь, совершая круговращение, творить год и времена года, давать рост и питание плодам, поднимать и унимать ветры, согревать в надлежащей мере тела людей. Иди, совершай круговращение и вот так приводи в движение все, от величайшего до мельчайшего. — (6) Ты — теленочек: когда появится лев, ты делай свое дело, иначе — горе тебе. — Ты — бык: выступай на бой — тебе ведь это надлежит и подобает, и ты можешь делать это. — (7) Ты можешь вести войско на Илион: будь Агамемноном. — Ты можешь единоборствовать с Гектором: будь Ахиллом. (8) А если бы Терсит явился с притязаниями на власть, то он или не достиг бы ее, или, если бы достиг, — опозорился бы при множестве свидетелей. (9) И ты тоже, обдумай это дело тщательно. Оно не такое, каким кажется тебе. (10) «Потертый плащик и сейчас я ношу — и тогда он у меня будет, я сплю и сейчас на жестком — и тогда буду спать так, возьму еще котомочку и палку и, странствуя, начну просить подаяние, бранить встречаемых, и если увижу, что кто-то удаляет у себя волосы дропаком¹⁰² или что разгуливает с уложенными кудрями или в пурпурных одеждах, буду порицать его». (11) Если ты представляешь себе это дело чем-то таким, то — подальше от него: не подходи к нему, оно не имеет никакого отношения к тебе. (12) А если, представляя его себе таким, как оно есть, ты не считаешь себя недостойным его, то рассмотри, за какое великое дело ты берешься. (13) Прежде всего, во всем том, что касается самого тебя, ты должен больше не делать ничего подобного тому, что делаешь сейчас, не винить бога, не винить человека. Стремление ты должен устранить совершенно, избегание — перенести только на то, что зависит от свободы воли. У тебя не должно быть ни раздражения, ни гнева, ни зависти, ни жалости. Тебе не должны представляться прекрасными ни девчонка, ни брменная слава, ни мальчишка, ни лепешечка. (14) Ведь ты должен знать о том, что у всех остальных людей прикрытием служат стены, дома, темнота, когда они делают что-нибудь такое, и много у них средств для скрывания. Запер дверь, поставил кого-нибудь перед спальней: «Если кто придет, говори, что вышел, занят». (15) А у киника вместо всего этого прикрытием должна служить совесть, иначе, неприкрытый и под открытым небом, он опозорится. Это ему дом, это — дверь, это — поставленные у спальни, это — темнота. (16) Он ведь и не должен хотеть скрывать что бы то ни было свое (иначе он пропал, утратил в себе киника, утратил живущего под открытым небом, утратил свободного, начал бояться чего-то из относящегося к внешнему миру, начал нуждаться в средстве для скрывания), и, когда хочет, не может. В самом деле, где он скроет себя, как? (17) А если этот наставник общий, этот воспитатель случайно попадется — какие ему придется терпеть страдания?! (18) Так в состоянии ли испытывающий эти страхи еще взять на себя смелость всей целиком душой руководить остальными людьми? Невероят-

¹⁰² Смолистое вещество, применявшееся для удаления волос.

но, невозможно. (19) Так вот, прежде всего ты должен сделать высшую духовную часть ¹⁰³ свою чистой и жизненную установку такой: (20) «Теперь у меня объектом является моя мысль, как у плотника — дерево, как у сапожника — кожа, а делом — правильное пользование представлениями. (21) А брэнное тело не имеет никакого отношения ко мне, его части не имеют никакого отношения ко мне. Смерть? Пусть приходит, когда хочет, будь то смерть всего тела целиком, будь то смерть какой-то части его. (22) Изгнание? И куда могут изгнать? Из мироздания не могут. А куда ни пойду, там солнце, там луна, там звезды, сновидения, предзнаменования, общение с богами». (23) Затем, имея уже такую подготовку, истинный киник не может довольствоваться этим, но должен знать, что он послан к людям вестником от Зевса, для того чтобы показывать им, что относительно блага и зла они заблуждаются и ищут сущность блага и зла в ином месте, там, где ее нет, а там, где она есть, не думают искать, (24) и для того чтобы, как Диоген, отведенный к Филиппу после битвы при Херонее ¹⁰⁴, быть лазутчиком. Киник ведь действительно лазутчик, разведывающий, что людям дружественно и что враждебно. (25) И он должен, тщательно разведав, прийти и сообщить истинное положение, ни страхом не пораженный, так чтобы из-за этого донести о несуществующих врагах, ни каким-нибудь иным образом под влиянием представлений не впад в смятение или замешательство. (26) Так вот, он должен уметь, если так придется, возвысив голос и взойдя на трагическую сцену, говорить в духе Сократа: «О, люди, куда вы несетесь?! ¹⁰⁵ Что делаете, о несчастные?! Как слепые, блуждаете вы вокруг. Вы идете по неверной дороге, оставив правильную, вы ищете спокойствие и счастье в ином месте, там, где их нет, и не верите, когда другой указывает, где они. (27) Что вы ищете их вовне? В теле их нет. Если не верите — посмотрите на Мирона, посмотрите на Офеллия ¹⁰⁶. В имуществе их нет. Если не верите — посмотрите на Креза, посмотрите на нынешних богачей: скольких стенаний полна их жизнь. В высшей должности их нет. Иначе, конечно, бывшие дважды и трижды консулами должны были бы быть счастливыми. Однако они не счастливы. (28) Кому мы будем верить в этом? Вам, взирающим на их положение со стороны и ослепленным под влиянием своего представления их внешним блеском, или — им самим? (29) Что они говорят? Послушайте их, когда они стонют, когда сетуют, когда считают, что именно из-за этих самых консульств, славы и блеска они в более несчастном и более опасном положении. (30) В царской власти их нет. Иначе Нерон был бы счастливым, и Сарданапал. Но даже Агамемнон не был счастливым, хотя он лучше Сарданапала и Нерона: но когда все остальные храпят себе — он что делает?

Прядями рвал на своей голове он волосы с корнем ¹⁰⁷

И сам он что говорит?

Просто брожу так ¹⁰⁸

говорит он, и

объят я смятеньем, а сердце готово

Выскочить вон из груди ¹⁰⁹

¹⁰³ См. прим. 43 к I книге.

¹⁰⁴ См. Диог. Л., VI, 43 (Диоген на вопрос Филиппа, кто он такой, ответил: «Лазутчик твоей ненасытности»).

¹⁰⁵ См. Платон, Критофонт, 407а слл.

¹⁰⁶ Оба неизвестны. По-видимому, знаменитые атлеты или т. п. Вместо «Мирон» предлагается конъектура «Милон» (см. прим. 22 к I книге; о смерти Милона см. Страбо́н, VI, 263).

¹⁰⁷ «Илиада», X, 15.

¹⁰⁸ Там же, 91.

¹⁰⁹ Там же, 94—95.

(31) Несчастный, с чем твоим обстоит плохо? С имуществом? Нет. С телом? Нет. Но ты богат и золотом и медью ¹¹⁰. Так в чем же у тебя зло? В том, что та часть ¹¹¹ — какая же часть! — твоя оставлена в пренебрежении и погублена, та, посредством которой мы стремимся и избегаем, влечемся и отталкиваемся. (32) Каким образом — оставлена в пренебрежении? Она не знает сущности блага, для которой она создана, и сущности зла, не знает, что у нее ее собственное и что чужое. И когда с чем-то чужим обстоит плохо, она говорит: Увы мне! Эллины в опасности! — (33) Несчастливая высшая духовная часть, и единственно оставленная без внимания и без ухода! — Им грозит смерть от троянцев! — А если троянцы их не убьют, неужели они не умрут? — Да, но не все сразу. — Так какая же разница? Ведь если умереть — зло, то вместе ли, поодиночке ли, все равно — зло. Разве может произойти что-то иное, кроме отделения брэнного тела от души? — Ничего. — (34). А для тебя, если эллины погибают, разве дверь закрыта? Разве нельзя тебе умереть? — Можно. — Так что же ты сокрушаешься? „Ах! Царь, да еще обладающий скипетром Зевса!“ Несчастливым царь не становится, так же как не становится несчастливым бог ¹¹². (35) Так что же ты такое? Пастух настоящий! Ведь ты плачешь так, как пастухи, когда волк похитит одну из их овец. И эти, находящиеся под твоей властью, — тоже овцы. (36) Да и зачем было тебе являться сюда? Разве стремление у вас было в опасности, разве избегание, разве влечение, разве отталкивание? — Нет, — говорит, — но бабенку моего брата похитили. — (37). Так разве не огромная выгода — лишиться распутной бабенки? — Так, значит, пусть троянцы презирают нас? — Кто они есть? Здравомыслящие или нездравомыслящие? Если здравомыслящие — что вы с ними воюете? Если нездравомыслящие — что вам до них? — (38) Так в чем же заключается благо, раз во всем этом оно не заключается? Скажи нам, господин вестник и лазутчик. — Там, где вы и не думаете и не хотите поискать его. Ведь если бы вы хотели, то нашли бы его заключенным в вас, и вы не бродили бы вовне и не искали бы чужое как свое. (39) Обратите свое внимание на самих себя, разберитесь в общих понятиях, которые вы имеете. Чем именно представляете вы себе благо? Спокойствием, счастьем, неподвластностью препятствиям. Ну, а великим его от природы разве не представляете себе? Замечательным разве не представляете себе? Недоступным для всякого вреда разве не представляете себе? (40) Так в какой же материи следует искать спокойствие и неподвластность препятствиям? В рабской или в свободной? — В свободной. — Так брэнное тело вы имеете свободным или рабским? — Не знаем. — Разве вы не знаете, что оно — раб лихорадки, подагры, офтальмии, дизентерии, тирана, огня, железа, всего того, что сильнее его? — Да, раб. — (41). Так как же еще может быть неподвластным препятствиям что бы то ни было, принадлежащее телу? А как может быть великим или замечательным мертвое по природе — земля, глина? Так что же, ничего вы не имеете свободным? — Может быть, ничего. — (42) Да кто может принудить вас согласиться с явно ложным? — Никто. — А не согласиться с явно истинным? — Никто. — Значит, здесь, вы видите, существует в вас что-то свободное по природе. (43) А стремиться или избегать, влечься или отталкиваться, подготавливаться или ставить перед собой цели — кто из вас может, не получив представления о том, что целесообразно, или о том, что не должно? — Никто. — Зна-

¹¹⁰ См. там же, XVIII, 289 (это говорится о Трое). Предложение «С телом? Нет» предлагается перенести сюда.

¹¹¹ Т. е. высшая духовная часть.

¹¹² Точный смысл трудно определить (из-за строения предложения); вероятно, он заключается в том, что истинный царь не может быть несчастливым, как не может быть несчастливым бог.

чит, вы имеете и тут что-то неподвластное помехам и свободное. (44) Несчастливые, вот это совершенствуйте, вот об этом заботьтесь, здесь ищите благо. (45) И как возможно, чтобы человек ничего не имеющий, не имеющий одежд, не имеющий дома, не имеющий очага, живущий в необходимости, не имеющий раба, изгнанник, проводил жизнь в спокойствии? (46) Вот бог послал вам человека, чтобы он показал на деле, что это возможно. (47) „Посмотрите на меня. Нет у меня дома, я изгнанник, нет у меня имущества, нет у меня раба. Я сплю на земле. Не жена, не дети, не домишко — а только земля, небо и один потертый плащико. (48) Да чего мне недостает? Разве я не живу без огорчений, разве я не живу без страхов, разве я не свободный? Когда кто-нибудь из вас видел, чтобы я в стремлении потерпел неуспех, чтобы в избегании потерпел неудачу? Когда я жаловался на бога или на человека? Когда винил кого-нибудь? Видел ли кто-нибудь из вас меня мрачным? (49) А как я встречаюсь с теми, перед кем вы испытываете почтительный трепет? Разве не как с рабскими существами? Кто, увидя меня, не думает, что видит своего царя и хозяина?“». (50) Вот слова киника, вот его своеобразие, вот его намерение. Но нет: котомочка, палка, здоровенные челюсти, сожрать все что дадут или отложить про запас, бранить некстати встречаемых или показывать свои отличные плечи. (51) Видишь, как ты собираешься приняться за такое великое дело? Возьми сначала зеркало, посмотри на свои плечи, разгляди поясницу, бедра. Ты собираешься записаться участником Олимпийских игр, человек, а не какого-то там пустого и жалкого состязания. (52) На Олимпийских играх невозможно — просто потерпеть поражение и уйти, но, прежде всего, приходится опозориться на глазах у всего света, а не афинян только или лакедемонян, или никопольцев, затем, необдуманно явившемуся приходится и порке подвергаться, а до порки — натерпиться жажды, натерпиться жары, наглотаться песку¹¹³. (53) Обдумай тщательней, познай самого себя, спроси божество, без бога не берись. Ведь если он тебе посоветует, знай, что он хочет, чтобы ты стал великим, а не просто¹¹⁴ много побоев получил. (54) И это ведь тоже превосходное влечение в участь киника: его должны лупить, как осла, а он при этом должен любить самих лупящих — как отец всех, как брат. (55) Но нет: если кто-нибудь начнет лупить тебя, кричи перед всеми: «Цезарь, что я терплю при установленном тобой мирном покое! Пойдем к проконсулу». (56) А что кинику цезарь, или проконсул, или кто-нибудь другой, кроме того, кто послал его и кому он служит, — кроме Зевса? Взывает ли он к кому-нибудь другому, кроме Зевса? А разве он не убежден в том, что если он терпит что-нибудь подобное, то это Зевс его упражняет? (57) Но вот, Геракл, хотя его упражнял Эврисфей, не почитал себя несчастным, но без колебаний исполнял все повеления. А если тот, кого закаляет и упражняет Зевс, готов кричать и быть недовольным, — достоин ли тот носить скипетр Диогена? (58) Слушай, что говорит вот он во время лихорадки прохожим: «Дурные, — сказал он, — головы, не остановитесь ли? Для того чтобы посмотреть на гибель или борьбу атлетов, вы совершаете такой далекий путь в Олимпию — а посмотреть на борьбу лихорадки и человека не хотите?»¹¹⁵ (59) Может быть, конечно, такой человек стал бы винить бога, пославшего его, считая, что бог незаслуженно обращается с ним, — он-то красовался своими обстоятельствами и считал себя достойным быть зрелищем для прохожих¹¹⁶. Да за что он будет винить? За то, что живет благопристойно? За то, что обличает? За то, что с большей блистательностью проявляет

¹¹³ См. XIII, 3—4.

¹¹⁴ «а не просто» — ἢ («или», «чем»). Предлагается конъектура «и».

¹¹⁵ См. Н и е р о п у т у с, Adversus Iovinianum, II, 14.

¹¹⁶ Предложение неясное.

свою добродетель? (60) Ну, а что он говорит о бедности, о смерти, о страдании? Как он сравнивал свое счастье с счастьем великого царя ¹¹⁷? А скорее, он считал его даже несравнимым. (61) Ведь там где смятения, огорчения, страхи, стремления, не достигающие своей цели, избегания, терпящие неудачу, зависть, ревность — где там доступ счастью? А там где мнения гнилые — там все это неизбежно должно быть.

(62) А когда молодой человек спросил: если киник заболеет и друг пригласит его к себе, чтобы он получил там уход за собой, согласится ли он на это, — (63) А где ты мне возьмешь друга кинику? — сказал он. — Ведь он должен быть вторым таким, чтобы быть достойным считаться его другом. Он должен быть сообладателем скипетра и царской власти и быть достойным служителем, если намерен удостоиться его дружбы, как Диоген стал другом Антисфена ¹¹⁸, как Кратет ¹¹⁹ — Диогена. (64) Или тебе кажется, что если он подходит к кинику и здороваются с ним, значит он его друг, и киник будет считать его достойным того, чтобы придти к нему? (65) Так что если тебе угодно взяться за такое дело, ты и помышляй такое, лучше яму для нечистот высматривай себе хорошую, в которой у тебя будет огонь ¹²⁰, защищающую от северного ветра, чтобы тебе не окоченеть от стужи. (66) А ты, мне кажется, готов время от времени пойти к кому-нибудь домой покориться. Так что же тебе и братья за такое великое дело?

— (67) А брак, — сказал тот, — и дети — войдет ли это в главную обязанность у киника? — Если ты мне дашь, — сказал он, — полис мудрецов, то едва ли кто-нибудь просто станет вести кинический образ жизни. В самом деле, для чего примет он этот образ жизни? (68) А если мы все же предположим это, в таком случае ничто не помешает ему и пожениться и породить детей. Ведь и жена его будет второй такой, и тесть вторым таким, и дети так будут воспитываться. (69) А при таком положении, какое существует в действительности, как в боевом строю, разве киник не должен быть ничем не отвлекаемым, всецело преданным служению богу, умеющим обходиться с людьми, не связанным обыкновенными обязанностями и не впутанным в отношения, нарушая которые он уже не сохранит лицо добродетельного человека, а соблюдая — утратит в себе вестника, лазутчика и глашатая боров? (70) Ты ведь смотри: он должен исполнять определенные обязанности по отношению к тестю, воздавать должное всем остальным родственникам жены, самой жене — в конце концов дело его сводится исключительно к уходу за больными, к добыванию средств. (71) Не говоря обо всем остальном, он должен иметь котел, в котором он мог бы разогреть воду для ребенка, чтобы помыть его в корыте, шерсть для родившей жены, оливковое масло, кочечку, кружечку (уже получается слишком много утваришки), прочие занятия, отвлечения. (72) Где тут, в конце концов, тот царь, который посвящает свое время общим делам,

Коему вверены рати, на ком такие заботы ¹²¹

который должен смотреть за всеми остальными, за женатыми, за породившими детей, кто обращается со своей женой хорошо, кто дурно, кто ссорится, какой дом держится стойко, какой нет, как врач, обходя всех

¹¹⁷ Т. е. персидского.

¹¹⁸ См. прим. 51 к I книге.

¹¹⁹ Философ-киник (IV в. до н. э.), ученик Диогена, учитель Зенона (см. прим. 25 к I книге).

¹²⁰ Переведено по рукописному чтению. В изданиях принят исправленный текст: вместо «у тебя будет огонь» — «ты перенесешь лихорадку», вместо «ты и помышляй такое» — «и ты помышляешь что-то такое».

¹²¹ «Илиада», II, 25.

и щупая пульс? (73) «У тебя лихорадка. — У тебя головная боль. — У тебя подагра. — Ты воздержись от пищи. — Ты ешь. — Ты не мойся. — Тебе нужно сделать операцию. — Тебе нужно сделать прижигание». (74) Где тут досуг у человека, связанного обыкновенными обязанностями? Разве не должен он достать одежонку детям? Ну, а отправить их к школьному учителю с дощечками, грифелями, да кочку им устроить? Не могут ведь они сразу из чрева быть киниками. А если не делать всего этого, то лучше было бы бросить их при рождении, чем вот так убивать. (75) Смотри, до какого места низводим мы киника, как лишаем его царской власти. — (76) Да, но Кратет женился. — Ты говоришь мне об обстоятельстве, получившемся вследствие любви, и женой приводишь в пример — второго Кратета. А мы рассматриваем вопрос о браках обычных и не связанных с обстоятельствами и, рассматривая вопрос так, не находим, что при данном положении это дело входит у киника в главную обязанность. — (77) Так как же он еще, — говорит тот, — будет содействовать сохранению общества? — Ради бога, а больше благодеяний оказывают людям те, кто вводит в мир взамен себя два-три порочных рыла, — или те, кто смотрит за всеми по возможности людьми, что они делают, как ведут жизнь, о чем заботятся, чем пренебрегают вопреки долгу? (78) Да разве фиванцам больше принесли пользы все те, которые оставили им после себя детей, чем Эпаминонд, умерший бездетным? Да разве больше, чем Гомер, сделал для общества Приам, народивший пятьдесят нечистей, или Данай, или Эол? (79) И вот, военачальствование или сочинение удержит кого-то от брака или деторождения — и люди не будут считать, что он променял бездетность ни на что, а разве царская власть киника не будет достойным возмещением? (80) Неужели мы не сознаем его величие и не представляем себе по достоинству своеобразие Диогена, но видим перед собой этих нынешних, этих «у стола сторожащих»¹²², которые ни в чем не подражают тем, разве только в том, что становятся пердунами, а больше ни в чем. (81) Ведь иначе у нас не возникали бы эти вопросы и мы не недоумевали бы по поводу того, что он не должен жениться и рождать детей. Человек, он — родитель всех людей, мужчины — его сыновья, женщины — его дочери: ко всем он так обращается, так обо всех заботится. (82) Или ты думаешь, что он по назойливости бранит встречных? Он это делает как отец, как брат и как служитель общего отца — Зевса. (83) Если тебе угодно, спроси меня и о том, станет ли он участвовать в государственных делах. Дурень, ты ищешь государственных дел важнее тех, которыми занимается он? (84) Выступит ли перед афинянами и станет говорить о доходах или поступлениях тот, кто должен разговаривать со всеми людьми, равно как с афинянами, так и с коринфянами, так и с римлянами, не о поступлениях и не о доходах, и не о мире или войне, но о счастье и несчастье, о благополучии и злополучии, о рабстве и свободе? (85) Человек занимается такими важными государственными делами, и ты меня спрашиваешь, станет ли он участвовать в государственных делах? Спроси меня и о том, станет ли он занимать должности, — я тебе опять скажу: «Глупец, какую должность ищешь ты важнее той, которую занимает он?»

(86) Однако нужно, чтобы у такого человека было и определенное тело. Право же, если явится чахоточный, тощий и бледный, его свидетельствование уже не будет иметь той значимости. (87) Ведь он должен не только проявлением своих качеств души внушать обыкновенным людям, что возможно быть добродетельным человеком без всего того, чем они дорожат,

¹²² «Илиада», XXII, 69 (о собаках). — Название «киник» производят или от «Киносарг» («Белая собака» — холм с гимнасием, посвященным Гераклу, в Афинах) — где учил основатель килической школы Антисфен, или от слова *κύων* — «собака» (*κυνικός* — «собачий»).

но и своим телом доказывать, что простая и неприхотливая жизнь под открытым небом и на тело не влияет пагубно: (88) «Вот, и об этом свидетельствую я и тело мое». Как Диоген делал. Он ведь ходил, блистая здоровьем, и толпа обращала внимание на само его тело. (89) А киник, вызывающий жалость, кажется попрошайкой: все отворачиваются от него, все оскорбляют его. Не должен он и грязным появляться, чтобы и этим не отпугивать людей, но сама необходимость его должна быть чистой и привлекательной.

(90) Киник должен обладать также большой природной приятностью и остротой ума (иначе получается огрызание, а больше ничего), чтобы уметь сразу и впопад отвечать на все нападки. (91) Как Диоген в ответ сказавшему: «Это ты тот Диоген, который не верит в существование богов?» — «И как это, — сказал, — считаю я, что ты ненавистен богам?»¹²³. (92) Или вот, когда Александр¹²⁴ застал его спящим и сказал:

В сне всю ночь проводить нельзя советному мужу¹²⁵

еще сонный, он ответил:

Коему вверены рати, на ком такие заботы¹²⁶

(93) А прежде всего его высшая духовная часть должна быть чище солнца. Иначе он неизбежно должен быть плутом и мошенником, поскольку сам подверженный какому-нибудь пороку — будет порицать других. (94) Смотри ведь, какова она. Царям этим и тиранам их телохранители и оружие дают власть порицать кого-то и даже возможность наказывать виновных, даже если сами они порочны, а кинику, вместо оружия и телохранителей, его совесть предоставляет эту власть. (95) Когда он видит, что пободрился и потрудился для людей, что заснул чистым, а пробудился от сна еще чище, что все помыслы его это помыслы друга богам, служителя, сопровителя Зевса, что повсюду он руководствуется изречением:

Веди меня, о Зевс, и ты, Судьба моя¹²⁷

и: «Если так угодно богам, пусть так будет»¹²⁸, — (96) почему бы ему не иметь смелость говорить с прямотой своим братьям, детям, одним словом, родичам? (97) Поэтому это не назойливый и не любопытный — тот, кто так настроен. Он ведь не в чужих делах любопытствует, когда смотрит за человеческими делами, но в своих. Иначе, называя и военачальника любопытным, когда он наблюдает за воинами, производит им смотр, бдителен с ними и наказывает нарушителей дисциплины. (98) А если, запрятав за пазуху лепешечку, ты порицаешь других, — я скажу тебе: «Не лучше ли тебе, забравшись в угол, сожрать вон то, что ты украл? (99) А что тебе до чужих дел? Да кто ты такой? Бык ли ты, или пчелиная матка¹²⁹? Покажи мне опознавательные знаки верховной власти, какие у нее от природы есть. А если ты трутень, притязающий на царскую власть над пчелами, не думаешь ли ты, что и тебя твои сограждане изгонят, как пчелы — трутней?».

(100) Выдержкой киник должен обладать такой, что он должен казаться толпе бесчувственным, камнем: никто самого его не поносит, никто не ударяет, никто не оскорбляет — а брненное тело свое он сам предоставил

¹²³ См. Диог. Л., VI, 42.

¹²⁴ Македонский.

¹²⁵ «Илиада», II, 24.

¹²⁶ Там же, 25.

¹²⁷ См. прим. 136 к II книге.

¹²⁸ См. прим. 28 к I книге.

¹²⁹ Бык — как предводитель стада. Пчелиная матка по-гречески буквально — «царица пчел».

всякому желающему обращаться с ним как угодно. (101) Он ведь помнит о том, что то, что слабее, неизбежно должно быть побеждено тем, что сильнее, там где оно слабее, а одно брненное тело слабее многих вместе, то есть обладающее меньшей силой — обладающих большей силой. (102) Следовательно, он никогда не вступает в ту борьбу, где он может быть побежден, но от всего чужого сразу же отступает, ни на что рабское не притязает. (103) А там где свобода воли и пользование представлениями — там ты увидишь, сколько у него глаз, так что скажешь, что Аргус был слепым по сравнению с ним. (104) Разве где-то согласие опрометчивое, разве где-то влечение безрассудное, разве где-то стремление, терпящее неуспех, разве где-то избегание, терпящее неудачу, разве где-то намерение, не достигающее своей цели, разве где-то жалоба, разве где-то унижение или зависть? (105) Вот здесь большое внимание и усилие, а для всего остального — он храпит себе, лежа на спине: совершенный мирный покой. Разбойника по отношению к свободе воли не бывает, тирана — не бывает. (106) А по отношению к брнному телу? Да. И по отношению к имуществу? Да. И по отношению к должностям, и по отношению к почестям. Так какое же ему дело до всего этого? Поэтому, когда кто-нибудь запугивает его всем этим, он говорит ему: «Иди ищи детей. Это им страшны маски, а я знаю, что они глиняные, а изнутри у них ничего нет».

(107) Вот о таком деле ты помышляешь. Так что если ты решишь взяться за него, то, ради бога, отложи его до другого времени и посмотри прежде всего на подготовку у себя. (108) Посмотри ведь, что и Гектор говорит Андромахе: «Иди, — говорит он, — лучше домой и займись тканьем¹³⁰,

а война — мужей будет делом

Всех, а моим — наиболее»¹³¹

(109) Вот так он и свою подготовку создавал и ее бессилие.

XXIII. ПРОТИВ ТЕХ, КТО ВЫСТУПАЕТ С ЧТЕНИЕМ И ВЕДЕНИЕМ БЕСЕДЫ ДЛЯ ПОКАЗА

(1) Сначала скажи себе, кем ты хочешь быть, и вот тогда соответствующим образом делай то, что делаешь. Мы ведь видим, что так происходит и во всех почти остальных областях. (2) Атлеты сначала решают, кем они хотят быть, и вот тогда соответствующим образом делают все последующее. Если участником длинного пробега — такая-то пища, такая-то прогулка, такой-то массаж, такие-то упражнения; если участником короткого пробега — все это отличается; если участником пятиборья — еще более отличается. (3) Ты найдешь, что так происходит и в искусствах. Если хочешь быть плотником — ты должен делать такое-то, если кузнецом — такое-то. Ведь что бы то ни было, что делается нами, если мы не будем относить ни к какой цели — мы будем делать необдуманно, а если к той цели, к которой не следует, — неверно. (4) Кроме того, одно отнесение к цели есть некое отнесение к цели общей, а другое — к частной. Прежде всего — чтобы как человек. В этом что заключается? Не как баран, если даже кротко, и не зловердно, как зверь¹³². (5) А отнесение к цели частной касается занятия и свободы воли каждого. Кифаред — как кифаред, плотник — как плотник, философ — как философ, оратор — как оратор. (6) Так вот, когда говоришь: «Идите сюда и послушайте мое чтение, с которым я выступлю перед вами», рассмотри сначала, чтобы не необдуманно это делать. Затем, если найдешь, что относишь это к какой-то цели, рас-

¹³⁰ См. «Илиада», VI, 490—2.

¹³¹ Там же, 492—3.

¹³² Текст испорчен.

смотри, к той ли, к которой следует. (7) Пользу ли ты хочешь принести или получить похвалу? Тотчас слышишь, как он говорит: «А мне в похвале толпы какой смысл?» И правильно говорит. В самом деле, в ней нет никакого смысла ни музыканту, как таковому, ни геометру. (8) Следовательно, ты хочешь принести пользу? Для какой цели? Скажи и нам, чтобы и сами мы тоже бежали в твою аудиторию. Однако может ли кто-нибудь принести пользу другим в том, в чем сам он не получил пользу? Нет. Не может ведь этого ни в плотничном искусстве не-плотник, ни в сапожном искусстве не-сапожник. (9) Так, значит, ты хочешь узнать, получил ли ты пользу? Давай-ка твои мнения, философ. Каково назначение стремления? Не терпеть неуспех. Каково назначение избегания? Не терпеть неудачу. (10) Ну, а исполняем ли мы их назначение? Скажи мне правду. А если солжешь, я скажу тебе: Недавно, когда твои собравшиеся слушатели были холодноваты и не издавали криков одобрения тебе, ты ушел униженный; (11) недавно, когда ты получил похвалу, ты ходил повсюду и говорил всем: «Как я тебе показался?» — «Поразительно, господин, взглянь тебе моим спасением!» — «А как я прочел то место?» — «Какое именно?» «Где я описал Пана и нимф». — «Превосходно!» (12) И после этого ты мне говоришь, что в стремлении и избегании ведешь себя в соответствии с природой? Иди уверяй другого. (13) А такого-то недавно ты не хвалил, вопреки твоему представлению о нем? А такому-то не льстил, сенатору? Хотел бы ты, чтобы твои дети были такими? — Ни в коем случае. — (14) Так почему же ты хвалил и превозносил его? — Он одаренный юноша и способный слушать рассуждения. — Откуда это? — Он мной восхищается. — Ты привел доказательство! И после этого, как, по-твоему? Эти же самые люди не презирают тебя втайне? (15) Так вот, когда человек, сознающий сам, что он никакого блага и не добился и не помышляет об этом, встретит философа, который говорит ему: «Талантливый, простой, неиспорченный» — что иное, по-твоему, говорит он, как не: «Этот какую-то, конечно, во мне нужду имеет»? (16) Или скажи мне, в чем именно проявилась его талантливость? Вот он столько времени с тобой, слушает твои беседы, слушает твои чтения. Стал ли он сдержанным, обратил ли он свое внимание к самому себе? Осознал ли, в каком зле он пребывает? Отбросил ли прочь мнимое знание? Ищет ли того, кто будет учить его? — Ищет, — говорит. — (17) Того, кто будет учить его, какой жизнью следует жить? Нет, глупец, но — каким слогом следует говорить. Ведь за это он и восхищается тобой. Послушай его, что он говорит: «Этот человек пишет с чрезвычайно величайшим искусством, гораздо прекраснее Диона¹³³». (18) Это совершенное иное. Разве он говорит: «Этот человек — совестливый, этот — честный, этот — невозмутимый»? А если бы и говорил, я сказал бы ему: «Вот поскольку этот — честный, это „честный“ — что значит?». И если бы он не мог сказать, я прибавил бы: «Сначала узнай то, что ты имеешь в виду, говоря, и вот тогда говори». (19) Так, значит, находясь в таком порочном состоянии, томясь жаждой похвал, считая своих слушателей, ты хочешь приносить пользу другим? «Сегодня у меня было гораздо больше слушателей». — «Да, очень много». — «Думаю, что пятьсот». — «Зря говоришь — почитай, их было с тысячу». — «У Диона никогда не было столько слушателей». — «Откуда у него?!» — «И они тонко чувствуют рассуждения». — «Прекрасное, господин, и камень привести в движение может». (20) Вот слова философа, вот состояние намеренного приносить пользу людям! Вот человек, внявший разуму, прочитавший произведения о Сократе как произведения о Сократе, а не как произведения Лисия и

¹³³ Может быть, имеется в виду Дион Хрисостом («Златоуст»), оратор, философ и общественный деятель (современник Эпиктета).

Исократ! «Часто удивлялся я, какими же доводами...»¹³⁴. Но нет: «каким же доводом» — это более гладко, чем то». (21) Да разве вы их прочитали не так же, как читаете одишки? Ведь если бы, конечно, вы читали их так, как следует, то не этому всему предавались бы, но вот что, скорее, видели бы: «Анит и Мелет убить меня могут, но повредить мне — нет»¹³⁵ и «Я ведь всегда такой — не могу ничему моему внимать, кроме того довода, который мне при рассмотрении представляется наилучшим»¹³⁶. (22) Кто, поэтому, слышал когда-нибудь, чтобы Сократ говорил: «Я знаю то-то и учу этому»? Но он отсылал одного — к этому, другого — к тому. Поэтому-то и обращались к нему с просьбой познакомить их с философами, и он водил и знакомил¹³⁷. (23) Но нет, по-вашему, он посылал за кем-то и говорил: «Приходи сегодня послушать беседу, которую я будут вести в доме Квадрата»¹³⁸. Что мне слушать тебя? Хочешь показать мне, что ты изящно сочетаешь слова? Сочетаешь, человек. И какое для тебя благо в этом? — Но ты похвали меня. — (24) Что ты имеешь в виду под этим «похвали»? — Скажи мне «О!» и «Поразительно!» — Вот говорю. А если похвала есть что бы то ни было то, что философы относят к категории блага¹³⁹, — за что тебя могу я похвалить? Если говорить правильным слогом есть благо, научи меня этому, и я похвалю. — (25) Так что же, без удовольствия следует все такое слушать? — Ни в коем случае. Я-то и кифареда не без удовольствия слушаю. Так разве из-за этого я должен выступить кифаредом? Послушай, что говорит Сократ: «Да и не пристало бы мне, граждане, в этом возрасте, подобно юноше, сочиняя речи, перед вами выступать»¹⁴⁰. (26) «Подобно юноше», говорит он. Это ведь действительно изященькое искусство — выбрать словечки, сочетать их и выступить с блестящим чтением или декламацией, да посреди чтения возгласить: «Все это не многие могут понимать, клянусь вашим спасением!» (27) А философ на слушание приглашает ли? Разве не подобно тому как солнце само по себе притягивает к себе свое питание¹⁴¹, так и он притягивает к себе тех, кто намерен получить пользу? Какой врач приглашает, чтобы лечились у него? Хотя теперь в Риме, слышу я, и врачи приглашают — однако при мне¹⁴² они приглашались. (28) «Приглашаю тебя придти и послушать, что ты в порочном состоянии и ты заботишься обо всем, но только не о том, о чем ты должен заботиться, и что ты не знаешь благ и зол и ты злосчастный и злополучный». Прекрасное приглашение! Да ведь если всего этого не внушает слово философа — значит мертвы и само слово и говорящий его. (29) Руф¹⁴³ говорил обычно: «Если у вас есть досуг хвалить меня — значит я говорю пустое». Потому-то он говорил так, что каждый из нас сидел и думал, что кто-то, конечно, паябедничал про него Руфу, — так слова его касались всего происходившего с нами, так он выставлял перед глазами все зло каждого. (30) Школа философа, люди, это лечебница. Выходить оттуда должны испытав не удовольствие, а боль. Вы ведь входите туда не здоровые, а — кто с вывихнутым плечом, кто с нарывом, кто со сви-

¹³⁴ Начало «Воспоминаний о Сократе» Ксенофонта.

¹³⁵ См. прим. 104 к I книге.

¹³⁶ См. П л а т о н, Критон, 46 в.

¹³⁷ См. П л а т о н, Протагор, 310е слл., Теетет, 150b—151b; К с е н о ф о н т, Экономика, 3, 14.

¹³⁸ В Риме было много известных людей с этим именем.

¹³⁹ Предложение с разночтениями и конъектурой, ненадежно и не очень ясно. Более естественный общий смысл должен быть: если хвалить следует то, что философы считают благом...

¹⁴⁰ См. П л а т о н, Апология Сократа, 17с.

¹⁴¹ По учению стойков солнце — это огонь, который питается испарениями Океана (лучи солнца это и есть поднимающиеся к нему испарения).

¹⁴² Когда Эпиктет жил в Риме.

¹⁴³ См. прим. 7 к I книге.

щом, кто с головной болью. (31) И вот, я сяду и буду произносить перед вами речь с ноематишками и эпифонематишками¹⁴⁴, чтобы вы выходили расхваливая меня, тот уходя с таким же плечом, с каким пришел, тот — с такой же головой, тот — с тем же свищом, тот — с тем же парывом? (32) И вот, ради того молодым людям уезжать из дому, оставлять своих родителей, друзей, родных и брненное имущество, чтобы говорить тебе «О!», когда ты произносишь речь с эпифонематишками? Это ли делал Сократ, это ли — Зенон, это ли — Клеант¹⁴⁵? — (33) Что же, разве не существует особого стиля побудительной речи? — Да кто говорит, что не существует? Так же как — опровергательной, так же как — наставительной. Так кто же когда-нибудь называл после них четвертый — эпидейктической речи¹⁴⁶? (34) Ведь в чем особенность побудительной речи? Уметь показать и одному человеку и множеству людей то противоречие, в котором они пребывают; и что они заботятся обо всем, но только не о том, чего они хотят. Хотя ведь они того, что ведет к счастью, а ищут все это в ином. (35) Разве для осуществления этого нужно, чтобы было расставлено тысяча скамей, приглашены слушатели и чтобы ты, в роскошной мантишке или плащике взобравшись на подушку¹⁴⁷, описывал, как погиб Ахилл? Перестаньте, заклинаю вас богами, осквернять прекрасные названия и дела, насколько это зависит от вас самих. (36) Ничего побудительнее...¹⁴⁸, когда говорящий обнаруживает перед слушателями, что он нуждается в них. (37) Или скажи мне, кто, слушая твое чтение или беседу, забеспокоился о себе или обратил свое внимание к самому себе, или, выйдя, сказал: «Метко коснулись меня слова философа. Больше не следует этого делать»? (38) Разве, если у тебя чрезвычайный успех, не говорит он кому-то: «Прекрасным слогом говорил он про Ксеркса», другой: «Нет — про сражение при Фермопилах»? Это ли слушание философа?!

XXIV. О ТОМ, ЧТО НЕ СЛЕДУЕТ ИСПЫТЫВАТЬ ПРИВЯЗАННОСТЬ К ТОМУ, ЧТО НЕ ЗАВИСИТ ОТ НАС

(1) То, что у другого не в соответствии с природой, пусть не будет злом для тебя¹⁴⁹. Ты ведь рожден не для того, чтобы разделять с кем-то униженность и несчастье, но для того, чтобы разделять счастье. (2) А если кто-то несчастен, помни, что он несчастен из-за самого себя. Ведь бог создал всех людей на то, чтобы они были счастливыми, на то, чтобы они были стойкими. (3) Для этого он дал им возможности, дав каждому то-то одно — своим, а то-то другое — чужим: все подвластное помехам, лишению, принуждению — не своим, а все неподвластное помехам — своим; а сущность блага и зла, как это и было достойно заботящегося о нас и отечески опекающего, — заключенным в своем. — (4) Но я в разлуке с таким-то, и он страдает от этого. — Почему же он чужое счел своим? Почему, когда он радовался, видя тебя, не думал он о том, что ты смертен,

¹⁴⁴ Ноема и эпифонема — риторические фигуры мысли. Ноема («мысль») — это такая фигура, когда говорящий высказывает свою мысль не прямо, но дает понять ее. Эпифонемой называется заключительное восклицание, содержащее в себе оценку изложенного факта.

¹⁴⁵ См. прим. 25 к I книге.

¹⁴⁶ Т. е. в философии. Эпиктет, очевидно, игнорирует широко распространенное в риторике эпидейктическое (торжественное, парадное, «показное») красноречие, чтобы показать свое резко отрицательное отношение к нему.

¹⁴⁷ *πυβίσιον* (лат. *pulvinus*) — чтение рукописей. Предлагается конъектура *πυβίσιον* (лат. *pulvium* — помост, трибуна, кафедра).

¹⁴⁸ Начало предложения непонятно (текст в рукописях с разночтениями; предлагается много исправлений).

¹⁴⁹ Или, может быть: «Зло другого пусть не будет вопреки природе злом для тебя» (?)

можешь уехать? Ну так вот он и несет наказание за свою глупость. (5) А ты за что? К чему ты оплакиваешь себя? Или и ты тоже не приучил себя ко всему этому, но, как никчемное бабье, был привязан ко всему тому, чему радовался, так, будто будешь привязан вечно: к местам, людям, времяпровождению? И вот теперь ты сидишь и плачешь о том, что не видишь тех же людей и не проводишь время в тех же местах. (6) Ты и в самом деле достоин того, чтобы быть несчастнее воронов и ворон, которые могут летать куда хотят, вить гнезда в других местах, пересекать морские просторы, не сетуя и не тоскуя о прежнем. — (7) Да, но у них это происходит оттого, что они существа, не наделенные разумом. — Так разве нам разум дан богами на неблагополучие и злосчастье, для того чтобы мы влачили жалкую и полную сокрушений жизнь? (8) Или пусть все будут бессмертными и пусть никто не уезжает, пусть и мы никуда не уезжаем, но остаемся на месте, укоренившись в нем, как растения; а если кто-нибудь из близких уедет, сядем и будем плакать, и напротив, если вернется, будем плясать и хлопать в ладоши, как дети? (9) Не пора ли нам наконец отнять себя от груди и памятовать обо всем том, что мы слышали от философов? (10) Если только, конечно, мы не как заклинателей слушали их о том, что это мироздание есть единый полис, что сущность, из которой оно сотворено, едина, что необходимо, чтобы существовала определенная цикличность¹⁵⁰ и чтобы одно сменялось другим, чтобы одно распадалось, а другое нарождалось, одно оставалось на том же месте, а другое находилось в движении; (11) что повсюду кругом друзья: прежде всего — боги, затем — и люди, природой сближенные друг с другом, и что нужно, чтобы одни были друг при друге, а другие расставались, при совместной жизни радуясь, при расставании не огорчаясь; (12) что человек, вдобавок к тому, что от природы он высокого образа мыслей и способен презирать все независящее от свободы воли, обладает еще и этой способностью не укореняться и не прирастать к земле, но направляться то в одно, то в другое место, когда по той или иной настоятельной необходимости, а когда и ради самого смотрения. (13) И выпавшее на долю Одиссея — было нечто такое:

Многих людей города посетил и обычаи видел¹⁵¹

И еще раньше Гераклу на долю выпало обойти весь свет,

Дерзость людей и благозаконие их наблюдая¹⁵²

от той избавляя и очищая землю, а это вводя вместо нее. (14) А между тем, сколько, по-твоему, у него было друзей в Фивах, сколько в Аргосе, сколько в Афинах, а сколько он приобрел их в своих хождениях по свету, он-то, кто и женился там, где это представлялось ему своевременным, рождал детей, покидал их, не сетуя и не тоскуя и оставляя их не как сирот? (15) Он ведь знал, что ни один человек не сирота, но обо всех всегда и непрестанно печется отец всех. (16) Ведь он не на словах воспринял, что Зевс — отец людей, поскольку он и считал и называл его своим отцом, и взирая на него делал он то, что делал. Вот потому-то он повсюду мог вести жизнь счастливо. (17) А совместить счастье и тоску по отсутствующему никогда невозможно. Ведь счастливость должна получать сполна все то, что желает, походить на некую утоленность: у нее не должно быть ни жажды ни голода. — (18) Но Одиссей страдал по своей жене и плакал, сидя на скале¹⁵³. — А ты во всем питаешь доверие к Гомеру и его басням? Или, если

¹⁵⁰ См. прим. 62.

¹⁵¹ «Одиссея», I, 3 (перевод В. А. Жуковского).

¹⁵² «Одиссея», XVII, 487.

¹⁵³ См. там же, V, 82.

он и вправду плакал, — что иное значит это, как не то, что он был несчастен? А какой добродетельный человек — несчастен? (19) Вселенная действительно плохо управляется, если Зевс не заботится о своих гражданах, чтобы они были такими же, как он сам, счастливыми. (20) Но думать так — недопустимо и кощунственно, а если, конечно, Одиссей плакал и горевал, значит он не был добродетельным человеком. В самом деле, кто может быть добродетельным человеком, если он не знает, кто он есть? А кто может знать это, если он забыл, что рожденное — тленно и человеку с человеком невозможно быть вместе вечно? (21) Итак, что же? Желать невозможного — это значит быть рабским существом, быть глупым, это значит чужеземцу¹⁵⁴ вести борьбу против бога¹⁵⁵, располагая единственно доступным ему средством — своими мнениями. — (22) Но мать моя сокрушается, оттого что не видит меня. — Почему же она не усвоила эти принципы? И я говорю не о том, что не нужно прилагать никаких стараний к тому, чтобы она не горевала, но о том, что не следует хотеть чужого во что бы то ни стало. (23) Печаль другого — это чужое, а моя печаль — это мое. Так вот, мое я буду прекращать во что бы то ни стало, потому что это зависит от меня, а чужое я буду пытаться прекращать по возможности, но во что бы то ни стало — не буду пытаться. (24) А иначе — я буду вести борьбу против бога, противиться Зевсу, выступать против него в управлении вселенной. И расплату за эту борьбу и неповиновение не дети детей¹⁵⁶ нести будут, но сам я — днем и ночью, содрогаясь от сновидений, впадая в смещение, трепеща перед всякой вестью, ставя свой внутренний покой в зависимость от чужих писем. (25) Из Рима кто-то приезжает. «Только бы не случилось какого-нибудь зла!» А какое зло может случиться с тобой там, где тебя нет? Из Эллады. «Только бы не случилось какого-нибудь зла!». Так для тебя всякое место может быть причиной злополучия. (26) Разве недостаточно тебе быть несчастным там, где ты находишься, но тебе нужно быть несчастным еще и за морем, еще и из-за писем? В таком безопасном положении у тебя дела? — (27) А что если умерли мои тамшние друзья? — Да что иное, как не то, что умерли смертные? Или как ты хочешь — состариться и вместе с тем не увидеть смерти никого из любимых? (28) Разве ты не знаешь, что за долгое время неизбежно должно происходить много разного: одного одолела лихорадка, другого — разбойник, того — тиран? (29) Таковы ведь окружающие нас природные условия, таковы живущие с нами люди; стужа и зной, несоответствующая пища, совершаемые пути по суше и по морю, ветры, разные обстоятельства — этого губят, того изгоняют, одного бросают в посольство, другого в военный поход. (30) Сиди, стало быть, в ужасе перед всем этим, сокрушаясь, испытывая несчастье, злополучие, завися от другого, причем не от одного, не от двух, но от десятков и десятков тысяч. (31) Это слушал ты у философов, этому учился? Разве ты не знаешь, что наша жизнь — это военный поход? Один должен стоять на страже, другой — выходить лазутчиком на разведку, а другой — и в сражение. Невозможно, чтобы все были на одном и том же месте, и не лучше. (32) А ты, вместо того чтобы исполнять приказания военачальника, ропщешь, когда тебе прикажут что-нибудь потруднее, и не понимаешь, во что ты превращаешь, насколько это зависит от тебя, войско, потому что если все станут подражать тебе, то никто не будет копать ров, не будет обносить лагерь частоколом, не

¹⁵⁴ Слово ξένος означает «чужеземец» и «гость». «Чужеземец» — в этом полисе, т. е. мироздании (переводят в этом значении). В этом же смысле возможно понимание как «гость» (соответственно, бог — это хозяин).

¹⁵⁵ Дальше конец предложения неясен (переведено в соответствии с переводами).

¹⁵⁶ Выражение «дети детей» есть в «Илиаде» XX, 308, но по другому поводу. О расплате детей и потомков см., например, первую элегию Солона (стихи 29—32).

будет нести ночную стражу, не будет выходить на опасности, но окажется бесполезным в военном походе. (33) Или вот, если будешь плыть моряком на корабле, занимай одно место и упорно держись его: если нужно будет подняться на мачту — не желай, если нужно будет пробраться к носу корабля — не желай. Да какой кормчий потерпит тебя?! Разве он не вышвырнет тебя как бесполезную вещь — как только лишь помеху и дурной пример для остальных моряков? (34) Вот так и здесь. Жизнь каждого — это своего рода военный поход, причем долгий и с разными превратностями. Ты должен блюсти свой долг воина и по мановению военачальника исполнять все, предугадывая, если возможно, его желания. (35) А ведь того военачальника даже сравнивать нельзя с этим, ни по силе, ни по нравственному превосходству. (36) Ты поставлен в строй в державном полисе¹⁵⁷, и не на низкое какое-нибудь место, но пожизненно¹⁵⁸ членом совета. Разве ты не знаешь, что такому человеку мало приходится заниматься своим домашним хозяйством, а большей частью приходится быть в отъезде, находясь у какой-то власти или в подчинении, или служа какому-то должностному лицу, или участвуя в военном походе, или верша суд? И ты еще, мне, хочешь привязаться к одним и тем же местам и укорениться, как растение? — (37) Это ведь приятно. — Кто отрицает? Но и похлебка тоже приятна, и красивая женщина — это тоже приятно. Что иного говорят те, которые удовольствие ставят себе целью? (38) Не осознаешь, слово¹⁵⁹ каких людей ты произнес? что — эпикурейцев и распутников? И ты еще, совершая их дела и имея их мнения, говоришь нам слова Зенона¹⁶⁰ и Сократа? Не отбросишь ли как можно подальше все чужое, чем ты украшаешься, ничуть не приличествующим тебе? (39) Или чего иного хотят те люди, кроме того только, чтобы спать неподвластно препятствиям и принуждению, встав, позевать спокойно, ополоснуть лицо, потом пописать и почитать что хочется, потом поболтать о том о сем, получая восхваления своих друзей за все, что бы ни говорили, потом выйти на прогулку, немного погулять и помыться, потом поесть, потом лечь спать, — в какой, конечно, постели естественно спать таким людям, что тут говорить? Об этом ведь можно догадаться. (40) Ну, поведай-ка мне и ты о том своем времяпрепровождении, о котором ты тоскуешь, ревностный последователь истины, Сократа и Диогена. Что хочешь ты в Афинах делать? Вот это же самое? Разве другое? Так что же ты называешь себя стойком? (41) И вот, те, кто ложно приписывает себе римское гражданство, подвергаются суровому наказанию — а те, кто ложно приписывает себе такое великое и важное дело и название, должны оставаться безнаказанными? (42) Или именно это-то и невозможно, но этот закон есть закон божественный, незыблемый и неотвратимый — закон, налагающий тягчайшие наказания за тягчайшие провинности? Что же гласит он? (43) «Приписывающий себе то, что не имеет никакого отношения к нему, пусть будет бахвалом, пусть будет тщеславным. Неповинующийся божественному управлению пусть будет низким, пусть будет рабом, пусть огорчается, пусть завидует, пусть жалеет, в общем, пусть будет несчастным, пусть скорбит». — (44) Так что же, ты хочешь, чтобы я почитал такого-то, чтобы ходил к его порогу? — Если это велит разум, ради отечества, ради родных, ради людей, — почему бы тебе не пойти? Однако к порогу сапожника ты не стыдишься ходить,

¹⁵⁷ См. прим. 35 (но здесь в рукописях — ἡγεμονία).

¹⁵⁸ «пожизненно» — принятое чтение (с конъектурой). По другим рукописям (с незначительным исправлением) возможно и: «но ты член совета» (или «сенатор»).

¹⁵⁹ φωνήν — буквально «звук» (как знак; см. прим. 103 к I книге). Слова «приятный» и «удовольствие» по-гречески — одного корня (ἡδύς и ἡδονή). В следующем предложении «слова» (Зенона и Сократа) — τοὺς λόγους.

¹⁶⁰ См. прим. 25 к I книге.

когда тебе нужна обувь, ни к порогу огородника, когда тебе нужен салат, а ходить к порогам богачей, когда тебе нужно что-нибудь подобное, — стыдишься? — (45) Да. К сапожнику я ведь не отношусь с почительностью. — Не относись и к богачу. — И огороднику не стану льстить. — Не льсти и богачу. — (46) Так как же я достигну того, что мне нужно? — А я разве тебе говорю: «Иди с намерением достигнуть»? Разве не то только — чтобы ты поступил так, как тебе подобает? — (47) Так к чему же еще мне ходить? — Чтобы пойти, чтобы исполнить дела гражданина, брата, друга. (48) И к тому же помни, что ты пришел к сапожнику, к продавцу овощей, не имеющему власти ни над чем великим или важным, даже если он дорого продает то, что продает. Иди как за салатом: он ведь стоит обод, а не талант. (49) Вот так и здесь. Дело стоит того, чтобы пойти к порогу. Пусть так, пойду. Чтобы поговорить. Пусть так, поговорю. Но я должен и руку поцеловать и польстить хвалой. Прочь! Это стоит талант. Нецелесообразно ни для меня, ни для полиса, ни для друзей утратить и гражданина добродетельного и друга. — (50) Но покажется, что ты не постарался, если ты не добьешься. — Опять ты забыл, для чего ты пришел? Разве ты не знаешь, что добродетельный человек ничего не делает для того, чтобы показаться, но — чтобы поступить правильно? — (51) Так какая же ему польза в том, чтобы поступить правильно? — А какая польза пишущему имя «Дион» так, как следует писать его? В том, чтобы написать. — Так, значит, награды никакой? — А ты ищешь награды для добродетельного человека большей, чем поступать правильно и справедливо? (52) А в Олимпии ты не хочешь ничего иного, по тебе кажется достаточным быть увенчанным на Олимпийских играх¹⁶¹. Таким незначительным и ничего не стоящим представляется тебе — быть добродетельным и счастливым? (53) Для этого введенный богами в этот полис¹⁶² и уже обязанный приниматься за дела мужчины, — ты еще тоскуешь по кормилицам и по маме, и на тебя влияет и расслабляет тебя глупое плачущее бабье?! Ты так никогда и не перестанешь быть младенцем? Разве ты не знаешь, что, чем старше человек, ведущий себя по-детски, тем он смешнее? (54) А в Афинах ни с кем ты не виделся, ходя к нему домой? — С тем, с кем я хотел. — И здесь желай видеться вот с этим, и ты будешь видеться с тем, с кем ты хочешь. Только без унижения, без стремления и избегания — и тогда все твое будет правильно. (55) А это заключается не в хождении и не в стоянии у порога, но внутри тебя, в твоих мнениях. (56) Когда ты все то, что относится к внешнему миру и что не зависит от свободы воли, уже не будешь ценить и ничего из всего этого уже не будешь считать своим, а будешь считать своим только правильность в суждении, в мнении, в влечении, в стремлении, в избегании, — где тут еще место для лести, для униженности? Что ты еще тоскуешь по тому покою, который у тебя был там, по тем привычным местам? (57) Подожди немного, и эти места, в свою очередь, тоже станут для тебя привычными. И вот, если ты будешь таким неблагоприятным, то, покидая, в свою очередь, и эти места тоже, плачь и сетуй. — (58) Так как же я окажусь любящим своих близких? — Как человек благородный, как человек счастливый. Ведь разум никогда не велит ни быть низким, ни быть сломленным, ни зависеть от другого, ни жаловаться когда бы то ни было на бога или на человека. (59) Ты, мне, стань таким любящим своих близких, который будет соблюдать все это. А если из-за этой любви к своим близким, — чем бы ни было то, что ты называешь любовью к своим близким, — ты должен будешь быть рабом и несчастным, то нецелесообразно быть любящим своих близких. (60) И что мешает лю-

¹⁶¹ Наградой победителю был венок из ветвей дикой маслины, по преданию, посаженной в Олимпии Гераклом.

¹⁶² Т. е. мироздание.

бить кого-то как смертного, как могущего уехать? Или Сократ не любил своих детей? Но — как человек свободный, как человек, памятующий о том, что прежде всего пужно быть другом богам. (61) Поэтому он не преступил ничего из всего того, что подобает добродетельному человеку, ни когда защищался на суде, ни когда должен был сам предлагать меру наказания для себя, ни еще раньше, когда был членом совета или когда участвовал в военных походах ¹⁶³. (62) А у нас очень много всяких поводов быть неблагоприятными — то из-за ребенка, то из-за матери, то из-за братьев. (63) А мы ни из-за кого не должны быть несчастливими, но должны быть счастливыми благодаря всем, а особенно благодаря богу, который создал нас для этого. (64) Ну, а Диоген разве никого не любил — он, кто был так кроток и человеколюбив, что ради общего блага людей с радостью переносил столько страданий и мучений телесных? (65) Но любил он как? Как и следовало служителю Зевса — и заботясь о людях, и вместе с тем подчиняясь богу. (66) Поэтому только ему вся земля была отечеством, а исключительным — ни одно место на земле. И когда он был захвачен в плен, то не тосковал по Афинам, ни по тамошним близким и друзьям, но стал близким по отношению к самим пиратам и пытался исправить их. И когда позднее он был продан ¹⁶⁴, то жил в Коринфе так же, как прежде жил в Афинах, и если бы он оказался среди перребов ¹⁶⁵, то чувствовал бы себя точно так же. (67) Вот так достигается свобода. Поэтому он говорил: «С тех пор как Антисфен ¹⁶⁶ освободил меня, я уже никогда не был рабом». (68) Как освободил? Слушай, что он говорит: «Он научил меня знать, что — мое, а что — не мое. Имущество — это не мое. Родные, домашние, друзья, репутация, привычные места, времяпрепровождение — все это чужое». — (69) «Так твое — что?» — «Пользование представлениями. Он показал мне, что это у меня неподвластно помехам, неподвластно принуждению. Никто не может воспрепятствовать мне пользоваться ими так, как я хочу, никто не может заставить меня пользоваться ими не так, как я хочу. (70) Так кто же еще имеет надо мной власть? Филипп, или Александр, или Пердикка, или великий царь ¹⁶⁷? Откуда у них она? Ведь тот, кто может быть покорен человеком, гораздо раньше должен быть покорен материальными вещами». (71) Так вот, над кем не имеет силы ни удовольствие, ни страдание, ни слава, ни богатство, а сам он может, когда ему будет угодно, выплюнув кому-то целиком свое брненное тело ¹⁶⁸, уйти, — чей еще он раб, кому подчинен? (72) А если бы он жил в Афинах с удовольствием и был бы покорен этим времяпрепровождением, то его дела зависели бы от всякого, более сильный был бы во власти причинять ему огорчения. (73) Как бы он, по-твоему, льстил пиратам, чтобы они продали его кому-нибудь из афинян, чтобы ему увидеть когда-нибудь опять прекрасный Пирей, Длинные стены ¹⁶⁹ и Акрополь? (74) Кем являясь, тебе увидеть, рабское ты существо? Рабом и низким — и какая тебе в этом польза? — Нет, свободным. — (75) Покажи, каким образом, свободным. Вот схватил тебя кто-нибудь, вот этот уводящий тебя от привычного для тебя время-

¹⁶³ Обо все этом см. П л а т о н, Апология Сократа; Пир, 219e—221c; К с е н о ф о н т, Апология Сократа.

¹⁶⁴ См., например, Д и о г. Л., VI, 74—75 (См. также здесь IV, 1, 114 слл. и прим.).

¹⁶⁵ Пеласгическая народность в северо-западной части Фессалии.

¹⁶⁶ См. прим. 51 к I книге (Антисфен был учителем Диогена).

¹⁶⁷ Т. е. персидский. Филипп — отец Александра (Македонского). Пердикка — сподвижник Александра, после смерти которого стал регентом его царства.

¹⁶⁸ Ср. Д и о г. Л., IX, 59 (рассказ о философе Анаксархе, последователе Демокрита: кипрский тиран Никокреонт, мстя ему за давнее оскорбление на пиру у Александра Македонского, велел бросить его в ступу и бить железными пестами; Анаксарх сказал: «Толчи мешок Анаксарха, а Анаксарха ты не толчешь», тогда Никокреонт велел отрезать ему язык, а Анаксарх сам откусил себе язык и выплюнул ему).

¹⁶⁹ Оборонительная стена, соединявшая Афины с гаванью Пиреем.

препровождения, и говорит: «Ты мой раб: ведь от меня зависит помешать тебе жить так, как ты хочешь, от меня зависит отпустить тебя, унижать; когда хочу — опять можешь быть в радостном настроении и, вознесенный духом, отправляться в Афины». (76) Что ты говоришь этому уводящему тебя в рабство? Кого ты ему представляешь объявителем твоей свободы? Или ты и вовсе не смотришь ему прямо в лицо, но, опустив долгие рассуждения, умоляешь его, чтобы он отпустил тебя? (77) Человек, в тюрьму ты должен отправляться радостно, спеша, опережая уводящих тебя. И вот, ты, мне, страшно не хочешь жить в Риме, тоскуешь по Элладе? А когда тебе придется умирать, ты и тогда намерен жаловаться нам на то, что тебе больше не придется видеть Афины и ты не будешь гулять в Ликее¹⁷⁰? (78) Для этого уехал ты из дому? Ради этого искал ты сойтись с кем-нибудь, чтобы получить от него пользу? Какую пользу? Силлогизмы чтобы ты сводил к схемам ловчее или вел последовательно к заключению условные рассуждения? И по этой причине оставил ты брата, отечество, друзей, домашних, чтобы вернуться научившись всему этому? (79) Так что ты не за стойкостью уезжал, не за невозмутимостью, не для того, чтобы, став неуязвимым для вреда, ты больше никогда ни на кого не жаловался, никого не винил, никто не в силах был делать тебе ничего несправедливого, и таким образом ты сохранял отношения неподвластно неприятствиям? (80) Прекрасный привез ты товар этот: силлогизмы, изменяющиеся рассуждения, условные рассуждения! И если тебе будет угодно, сядь на рыночной площади и сделай вывеску, как торговцы снабдьями. (81) Неужели ты не станешь отрицать, что ты и знаешь все то, чему научился, чтобы не ославить теоретические правила бесполезными? Какое зло причинила тебе философия? Что несправедливого сделал тебе Хрисипп¹⁷¹, чтобы ты на деле сам своей личностью показывал, будто труды его бесполезны? Разве недостаточно было тебе тамошних зол, всех, сколько их у тебя было причиной твоих огорчений и сокрушений, если бы даже ты не уехал из дому? Но ты еще больше добавил их себе? (82) И если у тебя будут опять другие близкие и друзья, и если ты будешь испытывать привязанность к другому месту, то у тебя будет еще больше причин для стенаний. Для чего же ты живешь? Чтобы причинять себе одни огорчения за другими, из-за которых ты несчастен? (83) И ты еще, мне, называешь это любовью к близким? Какой это, человек, любовью к близким? Если она благо, то она не может быть причиной никакого зла. Если она зло, то мне нет никакого дела до нее. Я для своих благ создан природой, для зол я не создан.

(84) В чем же заключается упражнение в этом? Прежде всего, высшее, главнейшее и начинающееся сразу как бы с порога: когда ты испытываешь привязанность к чему-то, то не относись к этому как к чему-то такому, что не может быть у тебя отнято, но относись как к чему-то такого рода, как глиняный горшок, как стеклянная чаша, чтобы, когда они разобьются, ты, помня, чем они были, не впадал в смятение. (85) Так и здесь: если ты ребенка своего целуешь, если брата, если друга, никогда не давай твоему представлению полную волю и не позволяй радости доходить до какой она хочет степени, но сдержи их, помешай им, как стоящие за триумфаторами и напоминающие им, что они люди¹⁷². (86) Таким приблизительно образом и ты напоминай себе, что ты любишь смертное, любишь огнюдь не твое. Это тебе дано на настоящее время, не как то, что не может быть у

¹⁷⁰ Сады и гимнасий при храме Аполлона Ликейского за восточной окраиной Афин (в Ликее была школа Аристотеля).

¹⁷¹ См. прим. 25 к I книге.

¹⁷² На колеснице за спиной триумфатора в одеянии Юпитера Капитолийского стоял государственный раб, держа над его головой золотой венец, и при приветственных восклицаниях толпы произносил: «Оглянись! Помни, что ты человек!»

тебя отнято, и не навсегда, но как смоква, как виноград, в установленное время года, а если тебе хочется их и зимой, то ты глупец. (87) Вот так и если ты тоскуешь по сыну или другу тогда, когда тебе не дано, знай, что это тебе зимой смоквы хочется. Ведь чем является зима по отношению к смокве, тем же является всякое исходящее от вселенной обстоятельство по отношению ко всему тому, что в соответствии с этим обстоятельством отнимается. (88) Следовательно, в то самое время, когда ты радуешься чему-то, приводи себе противоположные представления. Какое зло в том если, целуя ребенка, пришепывать: «Завтра ты умрешь», так же и другу: «Завтра или ты уедешь или я, и мы больше не увидим друг друга?» (89) Но это зловещие слова. — Да ведь и некоторые заклинания — тоже, но оттого, что они приносят пользу, я не обращаю на это внимания, лишь бы заклинание приносило пользу. А ты зловещими называешь слова иные, чем обозначающие какое-то зло? (90) Зловещее слово — малодушие, зловещее слово — неблагородство, сокрушение, огорчение, бесстыдство. Вот эти слова зловещие. Однако, конечно, и их не следует страшно бояться произносить — для того чтобы уберечь себя от обозначаемых ими дел. (91) А ты зловещим называешь мне слово, обозначающее некое природное дело? Называя зловещим и то, что сжаты колосья. Это ведь обозначает гибель колосьев. Но не мироздания. Называя зловещим и то, что опадают листья, и то, что вместо смоквы получается винная ягода и из винограда — изюм. (92) Ведь все это изменения прежнего в иное. Не гибель, но некий установленный порядок и управление. (93) Вот что означает отъезд, то есть это — изменение незначительное. Вот что означает смерть, то есть изменение более значительное — из существующего сейчас не в несуществующее, но в несуществующее сейчас. — (94) Так, значит, я больше не буду существовать? — Не будешь существовать. Но будет существовать что-то другое, что сейчас нужно мирозданию. Ведь и ты родился не тогда, когда ты захотел, но когда это нужно было мирозданию. (95) Поэтому добродетельный человек, памятуя о том, кто он есть, откуда явился и кем создан, занят только тем, как ему исполнить свою обязанность на своем месте дисциплинированно и повинуюсь богу. (96) «Ты хочешь, чтобы я еще существовал? Я буду существовать как человек свободный, как человек благородный, как захотел ты. Ты ведь создал меня неподвластным помехам во всем моем. (97) Но больше я тебе не нужен? Да будет тебе во благо! И до сих пор я оставался только благодаря тебе и больше никого другого, и сейчас повинуюсь тебе уйду». — (98) «Как уходишь?» — «Опять-таки, как ты захотел, как человек свободный, как слуга твой, как осознавший твои приказания и запрещения. (99) А до тех пор пока я пребываю на твоей службе, — кем хочешь ты, чтобы я был? Должностным лицом или частным, членом совета или простым гражданином, воином или военачальником, воспитателем или домохозяином? Какое бы место и строй ты ни назначил мне, я, как говорит Сократ, скорее умру десять тысяч раз, чем оставлю его¹⁷³. (100) А где хочешь ты, чтобы я был? В Риме или в Афинах, или в Фивах, или на Гиарах¹⁷⁴? Только, где бы я ни был, помни обо мне. (101) Если ты пошлешь меня туда, где вести жизнь в соответствии с природой невозможно людям, я уйду¹⁷⁵, не потому, что не повинуюсь тебе, но потому, что ты подаешь мне сигнал к отступлению. Я не оставляю тебя. Ни в коем случае! Но я осознаю, что я тебе не нужен. (102) А если мне будет дано вести жизнь в соответствии с природой, я не стану искать иного места, чем то, в котором нахожусь, или иных людей, чем те, с которыми нахожусь». (103) Руководствуйся

¹⁷³ См. Платон, Апология Сократа, 28d — 30c.

¹⁷⁴ См. прим. 82 к I книге.

¹⁷⁵ Т. е. из жизни.

этим и ночью и днем. Об этом пиши, об этом читай, об этом веди разговоры, и с самим собой, и с другим. «Не можешь ли ты мне в этом помочь?». И опять обращайся то к одному, то к другому. (104) Затем, если случится что-нибудь из так называемого нежелательного, тотчас облегчением послужи тебе прежде всего то, что это не неожиданно. (105) Великие ведь это, для всех случаев, слова: «Я знал, что породил смертного»¹⁷⁶. Ведь так будешь говорить ты, и: «Я знал, что я смертен», «Я знал, что я могу уехать», «Я знал, что я могу быть изгнан», «Я знал, что я могу быть отведен в тюрьму». (106) Затем, если ты обратишь свое внимание к самому себе и начнешь доискиваться, к какой области относится случившееся, то тотчас вспомнишь: «Это относится к области того, что не зависит от свободы воли, того, что не мое. Так какое же это имеет отношение ко мне?» (107) Затем, самое главное: «Да а кто это прислал¹⁷⁷?» Принцепс или претор, полис, закон полиса. «Так дай мне это. Я ведь должен всегда повиноваться закону во всем». (108) Затем, когда представление начнет терзать тебя (это ведь не от тебя зависит), борись с ним разумом, одолевай его, не позволяй, чтобы оно укреплялось и уводило тебя дальше, рисуя твоему воображению все что хочет и как хочет. (109) Если ты будешь на Гиарах, не рисуй в своем воображении жизнь в Риме и сколько радостей было у тебя, когда ты жил там, сколько было бы их, если бы ты вернулся туда, но ты там направь все свои усилия, как и следует живущему на Гиарах, на то, чтобы жить на Гиарах стойко. И если ты будешь в Риме, не рисуй в своем воображении жизнь в Афинах, но будь занят только той жизнью, которую ты ведешь там. (110) Затем, все остальные радости замени той, которая получается от понимания, что ты повинешься богу, что ты не на словах, но на деле совершаешь все то, что должен совершать добродетельный человек. (111) Каково ведь это — мочь самому себе сказать: «Все то, о чем сейчас в школах высокопарно говорят, и людям кажется, будто они говорят парадоксальные вещи, — все это я совершаю. И они сидят и истолковывают мои добродетели, занимаются исследованием обо мне, воспевают меня. (112) И доказательство этого Зевс захотел, чтобы я получил сам от себя, а самому ему узнать, такой ли у него воин, какой должен быть, такой ли гражданин, какой должен быть, и приводить меня перед всеми остальными людьми свидетельствующим об всем том, что не зависит от свободы воли. „Вот видите, что вы напрасно боитесь, зря жаждете того, чего жаждете. Благ вне себя не ищите, в самих себе ищите их. А иначе — вы их не найдете“ (113) С этой целью он то ведет меня сюда, то посылает туда, являет меня перед людьми бедным, не занимающим должности, больным, отправляет на Гиары, заключает в тюрьму. Не оттого, что он ненавидит меня. Ни в коем случае! Да кто же ненавидит лучшего из своих служителей? И не оттого, что пренебрегает мной, оп-то, кто ни одним даже мельчайшим существом не пренебрегает, но оттого, что он упражняет меня и пользуется мной как свидетельствующим перед всеми остальными. (114) Постановленному на такое служение, мне еще быть озабоченным тем, где я нахожусь, или с кем, или что обо мне говорят? Да разве я не направлю целиком все свои усилия к богу и его указаниям и повелениям?» (115) Вот это имея всегда в своем распоряжении, постоянно упражняя сам у себя, делая для себя руководством, ты никогда не будешь нуждаться ни в чем утешении, ни в чем ободрении. (116) И ведь позорно не неимение еды, но неимение разума, достаточного для неподверженности страхам, для неподверженности огорчениям. (117) А раз ты добьешься неподверженности

¹⁷⁶ Слова, сказанные Ксенофонтом при вести о гибели его сына в сражении (см. Д и о г. Л., II, §5. Эти слова приписываются также Анаксагору и Солону, см. там же, II, 13).

¹⁷⁷ Вероятно, имеется в виду приказ (о ссылке или аресте и т. п.).

огорчениям и страхам — разве для тебя еще тиран будет существовать какой-нибудь или телохранитель, или приближенные цезаря, или у тебя будет вызывать гложущую зависть чье-то назначение на должность или совершающие жертвоприношение по этому поводу на Капитолии при ауспидиях, у тебя, получившего такую высокую должность от Зевса? (118) Только не носи ее торжественно и не бахвалься ею, но делом показывай. И если никто не будет осознавать ее, довольствуйся тем, что сам ты здоров и счастлив.

XXV. ПО ПОВОДУ ТЕХ, КТО ТЕРПИТ НЕУДАЧУ В ПОСТАВЛЕННЫХ ПЕРЕД СОБОЙ ЦЕЛЯХ

(1) Рассмотрим, каких из целей, поставленных перед собой в начале, ты достиг, а каких — нет, и каким образом достиг: о каких вспоминать тебе радостно, а о каких — тягостно; и если возможно, снова возмись и за те, в которых ты оплошал. (2) Ведь ведущие эту величайшую борьбу не должны отступать, но должны и удары принимать. (3) Эта борьба касается ведь не атлетической борьбы и всеборья, и достигший успеха и недостигший успеха в которых может быть в высшей степени достойным, а может быть и мало достойным, и, клянусь Зевсом, может быть благополучнейшим, а может быть злосчастнейшим, но касается самого благополучия и счастья. (4) Итак, что же? Даже если мы отступим здесь, никто не мешает нам снова вести борьбу, и для этого не нужно ждать следующего четырехлетия, чтобы настали следующие Олимпийские игры, но как только оправившись, овладеешь собой и исполнишься того же рвения — можно вести борьбу. И если опять отступишь — снова можно вести ее. И если раз ты одержишь победу — ты подобен никогда не отступившему. (5) Только не по той же привычке, с удовольствием начинай делать это — и вот ты, как хороший¹⁷⁸ атлет, ходишь вокруг, несмотря на поражения на всех играх¹⁷⁹, подобно отбежавшим перепелам¹⁸⁰. (6) «Представление о красивой девчонке одолевает меня. Ну и что же? Разве недавно я не был одолен? У меня возникает влечение порицать кого-то. Да разве недавно я не порицал?». (7) Ты говоришь нам так, как будто ты вышел безнаказанным. Это как если бы кто-то говорил врачу, запрещающему ему мыться: «Да разве недавно я не мылся?». Так вот, врач мог бы ему говорить: «Ну, так вот после того, как ты помылся, что было с тобой? Разве тебя не стало лихорадить? Разве у тебя не стала болеть голова?» (8) И ты, когда недавно порицал кого-то, разве ты не злонравного человека дело совершил, не болтуна? Разве ты не дал пищу этой своей привычке, подбрасывая ей свойственные ей дела? А не устояв перед девчонкой — ты вышел безнаказанным? (9) Так что же ты говоришь о том, что было недавно? А, по-моему, следовало бы, помня обо всем том, как рабы помнят об ударах, не допускать тех же самых ошибок. (10) Но это не одно и то же: там ведь страдание заставляет помнить, а при ошибках — какое страдание, какое наказание? Да и когда ты приучал себя избегать порочных действий.

¹⁷⁸ В данном издании принята конъектура «плохой». — Весь текст § 5 очень неясен.

¹⁷⁹ «на всех играх» — так переведено слово *περίοδος* (период, цикл), одно из значений которого: совокупность четырех общеэллинских игр — Олимпийских, Пифийских, Истмийских и Немейских.

¹⁸⁰ Наряду с петушиными боями устраивались также бои перепелов, которых ценили за воинственность не меньше, чем петухов, и бои куропаток (по-видимому, если перевод правильный, здесь имеется в виду то, что обращенный в бегство перепел, оправившись, готов снова броситься в бой).

XXVI. ПРОТИВ ТЕХ, КТО СТРАШИТСЯ НУЖДЫ

(1) Не стыдно ли тебе быть малодушнее и неблагороднее беглых рабов? Как они убегают от хозяев? На какие полагаясь земельные угодья, на каких слуг? Разве не малость какую-то, сколько нужно на первые дни, ставши, затем впоследствии носятся они по земле или по морю, умудряясь изыскивать всяческие средства для своего пропитания? (2) И какой беглый раб когда-нибудь умер от голода? А ты трепещешь в страхе, что останешься без необходимых средств к существованию, и не спишь по ночам. (3) Несчастный, ты так слеп и не видишь дороги туда, куда ведет недостаток необходимых средств к существованию? Куда же он ведет? Туда, куда и лихорадка, куда и упавший на тебя камень, — в смерть. Так разве об этом не часто сам ты говорил своим товарищам, а разве не много читал о таком, не много писал? А сколько ты бахвалился тем, что к смерти-то ты относишься нормально? — (4) Да, но и мои будут голодать. — Так что же? Разве их голод ведет куда-то в другое место? И не тот же ли спуск туда? Не то же ли внизу? (5) Так, значит, ты не хочешь смотреть туда, относиться со смелой уверенностью к всякой нужде и недостатку, куда и самые богатые и занимавшие самые высшие должности, и сами цари и тираны должны спуститься, причем ты — голодая, может статься, а они — лопнув от несварения и пьянства? (6) Какого нищего доводилось тебе когда-нибудь увидеть не старого, а какого — не престарелого? Но хоть они мерзнут ночью и днем, валяются на голой земле, еды находят себе лишь столько, сколько крайне необходимо для существования, они чуть ли не доходят до того, что не могут умереть, (7) а ты, невредимый человек, имея руки и ноги, так страшишься голода? Разве ты не можешь носить воду, писать, быть воспитателем, быть чьим-нибудь привратником? — Но это позорно — дойти до такой необходимости. — Так ты сначала узнай, что позорно, и вот тогда называй себя перед нами философом. А пока, даже если кто-то другой назовет тебя, не признавай этого. (8) Позорно ли для тебя то, что не твое дело, в чем ты не виновен, что просто случилось с тобой, как головная боль, как лихорадка? Если твои родители были бедными, или богаты ¹⁸¹, а завещали наследство другим и при своей жизни не оказывают тебе никакой помощи, — разве это для тебя позорно? (9) Этому ли учился ты у философов? Разве ты никогда не слышал, что позорное достойное порицания, а достойное порицания стоит того, чтобы быть порицаемым? Кого можно порицать за то, что не его дело, чего сам он не сделал? (10) Так ты ли сделал это — своего отца таким? Или в твоей возможности исправить его? Дано ли тебе это? Так что же, разве следует тебе хотеть того, что не дано, или, не достигая успеха в том, стыдиться? (11) Вот так ты и приучался, занимаясь философией, взирать на других и нисколько не надеяться на самого себя? (12) Ну так вот стенай и сокрушайся, ешь со страхом, что тебе нечего будет есть завтра, тревожься по поводу своих молоденьких рабов, как бы они не украли чего, как бы не сбежали, как бы не умерли. (13) Вот так ты и проживи всю жизнь до самого конца, раз ты обратился к философии только из-за названия и осквернил, сколько зависело от тебя, ее теоретические правила, показав, что они ненужны и бесполезны занимающимся ими. А к стойкости, к невозмутимости, к неподверженности страстям никогда ты не стремился. Никого ты ради этого не почитал, а ради силлогизмов — многих. Никогда ты не проверял основательно то или иное из этих представлений по отношению к самому себе: «Способен ли я на это, или не способен? Чего мне недостает для этого?». (14) Но, словно все у тебя правильно и надежно, ты занялся завершающим вопросом,

¹⁸¹ «или богаты» — добавлено по конъектуре (другая конъектура — «или были богатыми»).

вопросом о непоколебимости¹⁸², — для того чтобы непоколебимым у тебя было что? Малодушие, неблагородство, преклонение перед богатыми, не достигающее своей цели стремление, терпящее неуспех избегание: о надежности всего этого ты заботился. (15) Не следовало ли приобрести сначала...¹⁸³, затем... добиваться надежности? И кого ты когда-нибудь видел сооружающего карниз, возводимый на никакой стенке? А какого привратника ставят у никакой двери? (16) Но ты приучаешь себя к тому, чтобы уметь доказывать. Что? Ты приучаешь себя к тому, чтобы не быть сбитым с толку софизмами. В чем? (17) Покажи мне сначала, что ты охраняешь, что измеряешь или что взвешиваешь, — и вот тогда показывай весы или мерку. Или до каких пор ты будешь измерять пепел? (18) Не то ли должен ты доказывать, что делает людей счастливыми, что способствует тому, чтобы дела у них продвигались так, как они хотят, не то ли, благодаря чему они не должны жаловаться ни на кого, не должны винить никого, должны повиноваться управлению вселенной? Вот это ты мне показывай. (19) «Вот, показываю, — говорит, — я сведу тебе силлогизмы к схемам». Это — измеряющее, рабское ты существо, а не измеряемое. (20) Поэтому теперь ты несешь наказание за все то, чем пренебрег в философии¹⁸⁴: трепещешь, не спишь по ночам, со всеми советуешься, и если не всем придутся по душе твои решения, ты думаешь, что решил неправильно. (21) И вот, ты боишься голода, как тебе кажется. А ты не голода боишься, но страшешься, что у тебя не будет повара, что у тебя не будет другого, кто будет закушать лакомые яства, другого, кто будет обувать тебя, другого, кто будет одевать тебя, других, кто будут массажировать тебя, других, кто будут сопровождать тебя, (22) для того чтобы в бане, когда ты разденешься и растянешься, как распяты, тебя массажировали со всех сторон, потом стоящий рядом умащиватель говорил им: «Переверни его. Поверни боком. Поддержи его голову. Подставь плечо», потом, вернувшись из бани домой, ты стал кричать: «Никто не несет поесть?», потом: «Убери со стола, вытри». (23) Ты боишься того, что не сможешь жить жизнью нездорового человека. И в самом деле, что касается жизни здоровых людей, узнай, как рабы живут, как работники, как подлинно занимающиеся философией, как Сократ прожил, и притом с женой и детьми, как Диоген, как Клеант, который и учился и носил воду¹⁸⁵. (24) Если ты хочешь этого, то это у тебя будет повсюду, и ты будешь жить со смелой уверенностью. В чем? В том, в чем только и возможно быть смело уверенным, — в честности, в неподвластности помехам, в том, что не может быть у тебя отнято, то есть в своей свободе воли. (25) А почему ты сделал себя таким ненужным и бесполезным, чтобы никто тебя в дом не хотел принять, никто о тебе не хотел позаботиться? Но какую-нибудь выброшенную неповрежденную и полезную вещь всякий, найдя ее, подберет и сочтет ее выгодой для себя, а тебя никто не подберет, но всякий сочтет тебя ущербом для себя. (26) Вот так ты не можешь ни вместо собаки пригодиться, ни вместо петуха. Так что же еще ты хочешь жить, если ты такой? (27) Боятся ли добродетельный человек, что останется без пищи? Слепые не остаются, хромые не остаются — останется ли добродетельный человек? И ни хороший воин не остается без нанимателя, ни работник, ни сапожник, — а добродетельный человек останется ли? (28) Разве бог вот так пренебрегает своими лучшими творениями, своими служителями, своими свидетелями, которых

¹⁸² См. III, 2, 1 слл.

¹⁸³ ἐκ τοῦ λόγου — непонятно. Все это предложение очень неясно, предлагается много конъектур.

¹⁸⁴ «в философии» — φιλοσοφίας (в рукописях; в изданиях исключается из текста).

¹⁸⁵ См. прим. 25 к I книге. Клеант зарабатывал на жизнь тем, что по ночам носил воду (см. Д и о г. Л., VII, 168 слл.).

только и ставит он перед необразованными людьми в образец и которые свидетельствуют о том, что он и существует, и правильно управляет вселенной, и не пренебрегает человеческими делами, и о том, что для добродетельного человека никакого не существует зла ни при жизни, ни после смерти ¹⁸⁶? — (29) Так что же, когда он не дает пищи? — Да что иное, как не то, что он, как хороший военачальник, подал мне сигнал к отступлению? Я повинуюсь, следую, прославляя предводителя, воспевая его деяния. (30) Я ведь и пришел, когда ему было так угодно, и ухожу обратно, поскольку ему так угодно, и при жизни моей делом моим было воспевать бога и наедине с собой, и перед одним человеком, и перед множеством людей. (31) Он не дает мне много, не дает в изобилии — он не хочет, чтобы я жил в роскоши: он ведь и Гераклу не давал, сыну своему, но другой царствовал над Аргосом и Микенами, а Геракл получал приказания, совершал подвиги и упражнялся. (32) И Эврисфей, такой, каким был он, не был ни над Аргосом, ни над Микенами царем, он-то, кто даже над собой не был царем, а Геракл над всей землей и морем был властелином и правителем, очищал их от несправедливости и беззакония, вводил справедливость и святость, и притом безоружный, один. (33) А когда Одиссей, потерпев кораблекрушение, был выброшен на берег, разве нужда унизила его, разве сломила? Но как пошел он к девушкам попросить необходимое, что просить у другого считается позорнейшим делом?

Лев как, в горах обитающий ¹⁸⁷

(34) На что положившись? Не на славу, не на богатства, не на должности, но на мощь свою, то есть на мнения относительно того, что зависит от нас и что не зависит от нас. (35) Ведь только они делают людей свободными, неподвластными помехам, поднимают голову униженных, позволяют прямо смотреть в лицо богачам, в лицо тиранам. (36) Вот это и есть дар философу — а ты уйдешь ¹⁸⁸ не смело уверенным, но тревожась за плащики и серебряную утваришку? Несчастный, вот так ты потерял время до сих пор? — (37) Ну а что, если я заболею? — Будешь болеть правильно. — Кто будет за мной ухаживать? — Бог, друзья. — Я буду лежать на твердом. — Но как мужчина. — У меня не будет удобного жилья. — Будешь болеть в неудобном ¹⁸⁹. — Кто будет готовить мне еду? — Те, кто готовит и остальным. Будешь болеть, как Манес ¹⁹⁰. — А чем еще кончится болезнь? — (38) Иным чем-то, кроме смерти? Так думаешь ли ты о том, что суть всех зол, неблагородства и малодушия у человека это не смерть, а скорее страх смерти? (39) Так вот, против него ты, мне, упражняйся, сюда пусть будут направлены все рассуждения, упражнения, чтения, и ты узнаешь, что только так люди становятся свободными.

(Продолжение следует)

¹⁸⁶ См. П л а т о н, Апология Сократа, 41d.

¹⁸⁷ «Одиссея», VI, 130 (эпизод с Навсикаей).

¹⁸⁸ Вероятно, из школы, окончив ее.

¹⁸⁹ Конъектура. В рукописях — «удобном».

¹⁹⁰ Распространенное имя рабов, особенно фригийских. — Когда врач велел Зенону (см. прим. 25 к I книге) есть молодых голубей, Зенон сказал ему: «Лечи меня, как ты лечишь Манеса» (см. G. Musonii Rufi Reliquiae, ed. O. Hense, Lipsiae, 1905, fr. XVIII A, p. 98, 4 sqq.).